

МИХАИЛ ИГНАТОВ

ПУСТОШЬ

НУЛЕВОЙ КРУГ

Путь (Игнатов М. И.)

Михаил Игнатов

Пустошь. Нулевой круг

«Игнатов Михаил»

2020

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Игнатов М. П.

Пустошь. Нулевой круг / М. П. Игнатов — «Игнатов Михаил»,
2020 — (Путь (Игнатов М. И.))

ISBN 978-5-17-122492-9

Мир Древних пал в яростном огне... На месте великих городов лишь руины, что исчезают под песком... Но даже здесь есть место жизни и надежде. Вот только пришедшие сюда ценят лишь только силу. Еще недавно он смотрел на всех сверху вниз, наслаждаясь детством... А сейчас – изгой и вокруг лишь желающие унижить. Убийца, что лишил тебя всего, усмехается в лицо. Сверстники не упустят шанса ударить в спину тому, кого считают слабаком. Но так ли это? Что, если сила и месть – единственные его желания? Сколько нужно этой силы, чтобы отомстить за смерть отца и увидеть как стекленеют глаза напротив? И запомнят ли урок остальные, что уже сжимают руки на оружии?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-122492-9

© Игнатов М. П., 2020
© Игнатов Михаил, 2020

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	24
Глава 5	29
Глава 6	34
Глава 7	40
Глава 8	45
Глава 9	52
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Михаил Игнатов

Пустошь. Нулевой круг

Глава 1

– Эй! Никчёмный отброс!

Крепкий пинок, прилетевший по заднице, чуть не заставил меня окончательно распластаться.

– Чего ты там копаешься в песке? Решил присоединиться к своим женщинам? Недостойно мужчины собирать кизяк и траву. Наберись смелости, встань и встреть мой кулак своим кулаком!

Я молчал, потому что был занят очень важным делом. Я искал в этом дарсовом песке пусть не палку – откуда ей взяться возле деревни? – а простой камень. Ведь может же случиться такое, что за эти годы здесь упустили хотя бы один камень! Тяжёлый, хорошо бы с острыми краями, чтобы, когда я опущу его на голову этого безмозглого дарса Виргла, увидеть, насколько красна его кровь.

– Так! Сопляки!

За спиной внезапно раздались жалкие вскрики моих обидчиков и звуки смачных ударов.

– А ну, разбежались отсюда!

Теперь зазвучал ленивый голос моего главного обидчика:

– Старший Ди, мы просто говорили с этим отбросом. Как мужчины с женщиной. Кем вырастет этот приبلуда, если будет прятаться за чужими спинами?

– Виргл, не испытывай моё терпение! – Снова раздался звук удара и чей-то вскрик. – Когда-нибудь я вашей шайке поломаю руки-ноги!

Недолгое молчание и снова ненавистный голос:

– Уходим, парни.

Я поднялся с четверенек и присел на песок, продолжая бездумно просыпать его между пальцами и буравить взглядом удалявшиеся спины. Поблагодарил своего защитника:

– Спасибо вам, дядя Ди.

Помолчав, мне задумчиво ответили:

– Они становятся всё наглее.

А я наконец перевёл взгляд на стоявшего передо мной мускулистого мужчину. Его короткие тёмные волосы были покрыты слоем тонкой серой пыли пустошей. На добром, загорелом до черноты лице была заметна печать вины: в чуть поджатых губах, в морщинах на лбу. И я не мог заглянуть в синие глаза. Дядя Ди упорно отводил взгляд, смотря куда угодно, только не на меня.

– Неудивительно. – Я грустно усмехнулся. – Сын вождя растёт, готовится занять его место. И натаскивает верных прихлебателей.

Дядя зло зарычал:

– Да какой «вождь»? Назначенный глава деревни. Единственное, что в нём заслуживает внимания, – это его Возвышение! Стоит ему чуть провиниться, и первый же Проверяющий Воин пинками вынесет его из главной хижины.

– Слова, – спокойно заметил я, заглянув наконец в синие глаза. – Власти нашему «не совсем вождю» хватит на то, чтобы выкинуть нашу семью за ограду деревни, стоит только раз матери не угодить ему. Да вы и сами беспомощны перед ним. Ведь вы не били Виргла, дядя Ди?

Мужчина снова отвёл взгляд, но всё же выдавил из себя ответ:

– Ты очень умный мальчик. Твой отец гордился бы тобой. Мне жаль, что тебе приходится взрослеть так быстро.

Я зло рассмеялся:

– К сожалению, сейчас его сын – самый презираемый житель нашей деревни. Дядя Ди, оставьте меня, пожалуйста.

– Да, прости меня, мой мальчик, но разрыв в две звезды Возвышения – это не то, что можно преодолеть простым желанием. – Дядя помолчал и продолжил: – Возьми и отдай матери, мне сегодня улыбнулась удача.

Я слушал шорох удалявшихся шагов, а затем тишину пустоши, которую не спеша принялись наполнять своим стрекотанием насекомые, и разум мой был пуст, до тех пор пока между пальцами не застрял какой-то камушек. Совсем не подходящий для того, чтобы пробивать им головы: странный, ровный, чёрный прямоугольник размером с большой палец взрослого мужчины. Похоже, это осколок наследия Древних. Что ж, пусть этот камень будет каждый день напоминать мне о сегодняшнем унижении и бессилии.

Повертев гладкую, блестящую гранями находку, которой не повредили сотни лет в песке, и так и не поняв, что это может быть, я забросил её в нашейный мешочек с мелочами и перевёл взгляд на джутовый мешок, оставленный дядей. Потянув завязку, расслабил горловину и заглянул внутрь. Так и думал. Тушка квыргала. Отец, когда ходил в пустоши с деревенскими, хвалил дядю Ди как отличного охотника. Значит, сегодня у нашей семьи пир.

Я сложил руки лодочкой и поклонился почти исчезнувшим следам единственного человека в деревне, который помогает нам:

– Спасибо, дядя Ди!

И, охнув от свежего синяка, поднялся на ноги. Похлёбка сама себя не приготовит.

Первой вернулась домой сестра и помогла мне с ужином. Она уже дочиста выскребла стол, окатила его кипятком, протёрла, расставила праздничные обливные миски из белой глины и теперь с сиявшими от счастья глазами бегала вокруг очага. А я, делая строгую мину, время от времени грозил её светлой макушке ложкой.

Мама же вернулась, как всегда, уже в темноте, когда село солнце. Я помог ей расстегнуть ремни переноски, глубоко ушедшей в ставший чёрным под светом луны песок, а когда она пошатнулась от усталости, подхватил под локоть и довёл до хижины. И только там дал волю своей злости.

Я кипел от возмущения и нарезал круги по дому, пока сестра помогала маме смыть с себя песок из подвешенного умывальника. Неудивительно, что мама серая от усталости, – уйти из дома с восходом солнца и весь день следовать по пустоши за дикими джейрами, чтобы забить доверху самую большую в деревне переноску.

– Зачем ты до темноты собирала лепёшки?

– Хочу завтра отправиться на Чёрную гору за травами, поэтому нужно было сегодня собрать двойную норму кизяка. Хорошо, что твоя мама ещё знает некоторые секретные местечки, куда никто из деревенских и не забирался.

Я словно увидел сквозь занавеску, как усталая улыбка осветила её лицо, разгладила печальную складку у губ, делая её самой красивой на свете.

– Мапочка... – Я почувствовал, как уголки глаз наполняются влагой. – Какие местечки, какая гора?! Ты осталась у нас одна, не смей уходить в одиночку из деревни на промысел. Что будет, если тебе встретится Зверь?

Мама откинула занавеску и с улыбкой шагнула ко мне.

– Ну что ты, что ты... – Меня прижали к груди и начали гладить по голове. – Я очень осторожная и опытная женщина. Можно сказать, ветеран пустоши. Я хорошо знаю, куда и когда можно идти. И у меня восемь звёзд Возвышения, не забывай!

Я попытался вырваться из её рук:

– Отец знал это ещё лучше! И был ещё сильнее тебя! И где он сейчас?

– Родной, что случилось? – Мне не позволили вырваться – только немного отстраниться. – К тебе снова приставали?

– Да, – выдавил я через силу, опуская глаза на чисто выметенный пол. – Они много чего обидного болтали. Mam, может, ты попросишься в команду травников?

– Понятно. – Помолчав, мама вздохнула и сжала мои плечи. – Тебя снова попрекали моей работой. Но... Ты ведь понимаешь, что в нашей забытой всеми богами пустоши, в нашем посёлке низшего ранга, ничем достойным заняться невозможно?

Я нехотя кивнул. Этот разговор в том или ином виде уже случался, но всё равно было больно и обидно.

– Больше половины деревенских женщин собирает лепёшки джейров. Как иначе, если здесь кусок дерева – драгоценность? Да, есть и более чистая работа: собирать травы, варить еду охотникам, искать камни, скоблить шкуры, работать с ними, всё-таки твоя мама кожевник!

Мама замолчала на миг, а затем буквально прошипела:

– Но чтобы получить любую другую работу, нужно просить нашего главу! Я никогда не буду просить убийцу вашего отца!

– Что?! – Я непонимающе вскинулся. – Но отца растерзал Монстр! Он умер от ран!

– Дети мои, – глухо проговорила мама, наконец отпустив меня. – Я должна повиниться перед вами. Я виновата в бедах, что обрушились на нашу семью.

Мама обратила на меня горящий взгляд серых глаз, отблески очага бросали тени на тонкие черты её лица, меняя на нём выражения, словно маски.

– Лейла не может помнить об этом, но ты, сын, должен. Эта бесплодная, забытая всеми пустыня на краю Белой пустоши – не наш родной дом. И не всегда нашим пристанищем был фургон и вечная дорога. Да, Нулевой круг – проклятое Небом место, но вы родились в одном из лучших уголков Пустоши. Мы с вашим отцом жили в пятизвёздочном посёлке Арройо, в Чёрной пустоши. И были в нём уважаемыми людьми. Кузнец и кожевник, девять и восемь звёзд Возвышения. Мало кто мог смотреть на нас сверху вниз. Ты помнишь наш дом, сынок?

– Смутно. Отрывками. Помню большой дом. Стол из дерева, – выдавил я из себя под требовательным взглядом глаз, что так напоминали мои собственные. – Кадки с землёй и цветами. Широкие улицы, выложенные камнем.

– Да. Да, верно, – закивала мама и закрыла на вдох лицо руками, вытирая слёзы. – Наш дом. Ваш отец всегда мечтал увезти всех в Первый пояс. Вы знаете, что для девятой звезды, которой он достиг, это невозможно. Но он всегда искал способ преодолеть свой застой, просил советов у стариков, которые помнили жизнь в других Поясах. Хотя что могли ему посоветовать люди, павшие до Нулевого? Мусор, как и все мы. Однако он не терял надежды. Однажды ему выпал шанс, и он выполнил небольшой заказ нового Воина, назначенного в Арройо Проверяющим. И в качестве оплаты попросил у него совета. Я стояла рядом и помню всё как сейчас.

Мама подняла голову, вглядываясь куда-то поверх нас, в плясавшие по стенам тени. Лицо её застыло одной жуткой, страшной маской с провалами глаз.

– Совет, приведший нас в это проклятое место. Воин сказал так: «Твой талант и понимание основ, которым учат каждого, очень плохи. Ещё в детстве ты свернул не туда. Ты уже взрослый мужчина, и поменять давно впитавшиеся в твои кости вещи тебе очень сложно. Лучшим выходом, чтобы прорвать твой застой, будет отправиться в путешествие. Новые места, новые люди, наблюдение за миром, сражения на пределе сил помогут тебе понять твою ошибку и сделать последний шаг за их пределы, за грань возможностей простого человека. Получить десятый уровень, коснуться пределов этапа Закалки. Есть более лёгкие пути, но в Нулевом они тебе недоступны».

Мама помолчала, перевела на нас взгляд покрасневших от слёз глаз, сбрасывая с лица жуткую тень. Я молчал, молчала и сжавшаяся у меня под боком кроха Лейла. А рассказ продолжался:

– Моя первая вина, мои дети, в том, что я поддалась уговорам мужа и отправилась вместе с ним. Мы продали дом, мастерскую и вместе с тобой, Леград, отправились в путешествие по нашему Кругу. Я не могу сказать, что это были плохие годы. Нет. Мы увидели весь Нулевой. Другим может показаться, что наша пустошь однообразна и одинакова. Но поверьте, дети, это не так. Наши глаза научились видеть её красоту, а в некоторых уголках ещё сохранились уцелевшие строения Древних. Эти огромные постройки придавали этим местам невероятную ауру павшего могущества. В конце концов, в этом путешествии родилась Лейла.

Я невольно прижал к себе сестру, слушая и вспоминая неясные картины детства. А мама кивнула своим мыслям и усмехнулась:

– Совет Воина Вириго оказался верным: ваш отец смог понять свою ошибку и прорвался на десятую звезду. В отличие от меня. Мне не было дела до Возвышения, я не пыталась прорвать свою преграду и перестала собирать энергию. Моим счастьем были вы, дети. Но кое в чем Вириго ошибался. – Мама улыбнулась, на этот раз победно, гордо. Глаза её горели. – Мой муж хотел вернуться в Арройо и пройти экзамен там, чтобы наполнить гордостью своих родных. Поэтому мы продолжили наш путь, возвращаясь домой по новым местам. И у вашего отца оказался удивительный талант. Он сам, без помощи наставника Первого пояса, прорвался к этапу Воина!

Я ошеломлённо пытался уложить в голове мамины слова. О таком я не слышал ни в одной байке, что травил у костра подвыпивший местный учитель Орикол. А он любил изредка почесать языком и похвалиться знаниями, которых нахватался в Первом поясе. Нет, если подумать, – были же когда-то первые Воины, не имевшие учителей. Но было это даже до Древних, вернее, даже для них это наверняка было преданиями и легендами. Это просто невероятно!

Отец! Я помню, насколько ты был силен... Неужели ты действительно был Воином? Ведь в Нулевом круге просто нет наставлений по прорыву через границу этапов Возвышения! Это знаю даже я, ребёнок!

– Наше путешествие близилось к концу, когда мы прибыли в это проклятое место! – Мама отчётливо заскрипела зубами, никогда я не видел её такой – полной ненависти. – В первые же дни Римило сцепился с Кардо. Сначала тот потребовал от нас целую серебришку за жизнь в пределах этой вшивой ограды, которая даже хромого шакала не остановит. Затем, после удачной охоты, он пытался отобрать большую часть мяса. – Наше путешествие близилось к концу, когда мы прибыли в это проклятое место! – Мама отчётливо заскрипела зубами, никогда я не видел её такой – полной ненависти. – В первые же дни Римило сцепился с Кардо. Сначала тот потребовал от нас целую серебришку за жизнь в пределах этой вшивой ограды, которая даже хромого шакала не остановит. Затем, после удачной охоты, он пытался отобрать большую часть мяса.

Я кивнул, невольно бросив взгляд на горшок с похлёбкой. Но мама поняла этот жест по своему:

– Ты, Леград, привык к такому. Но закон Пустошей гласит, что лишь половина добычи уходит в общий котёл. И во всех местах, что мы посетили, этот закон чтят. Но не Кардо. Римило избил его. Что мог сделать этот отброс против вашего отца? Он просто не ожидал подобного, привык быть самым сильным и властным в этой помойке со своей девятой звездой. Конечно, он затаил ненависть, но при каждой встрече приторно улыбался и кланялся моему мужу. Ах, я много раз жалела, что муж тогда сдержал руку и не довёл дело до конца. Жители деревни, не евшие досыта в этом богатом дичью краю, были бы нам только благодарны! Мы уже вполне отдохнули и планировали отправиться в путь, когда пришёл тот чёрный день.

Лейла вздрогнула и схватила меня за руку, для неё тот день стал концом беззаботного детства. Впрочем, как и для меня. Я сжал холодные пальцы сестры.

– Если бы ваш отец знал хотя бы какую-нибудь духовную технику! Мы объездили множество селений, потратили почти все наши деньги, скупая редкие рецепты кузнецов и кожевников, но нигде не смогли найти подробных описаний техник. Только жалкие пересказы, в которых половина – вранье и выдумки! Даже Орикол получил золото, но не смог ничему научить вашего отца, тупой ублюдок, умеющий только лакать пойло и врать! – Мама в гневе ударила кулаком по камню стола. – Если бы он мог применять хоть что-то, доступное Воинам, то смог бы убить Монстра, не получив таких ужасных ран! Не умер бы на моих руках!

Лейла не выдержала, откинула мою руку и с рыданиями бросилась к маме:

– Мама! Мама!

– Прости, прости! – шептала мама, обнимая и глядя её по голове, спине, плечам. – Простите меня, дети. Моя вторая вина перед вами в том, что Римило просил не думать о нём, а купить место в караване и отправляться в Арройо. Но я пошла против его воли. Он бы не перенёс месяца пути с такими ранами. И мы остались здесь. Я была дурой, за бедой мужа не видевшей угрозы всей семье. Но Римило знал, что всё так и будет. С того дня Кардо не давал нам прохода. Мы платили серебром за кров, еду, травы для повязок. Эта бородатая сволочь пользовалась беспомощностью моего мужа и вымогала у нас деньги. Но я стискивала зубы и терпела, молясь и надеясь, что мужу станет лучше.

Тут уже зубами закрипел и я, отгоняя злые слёзы. Я прекрасно помнил, как уже на следующий день после того, как отец ценой своего здоровья спас охотников, меня в первый раз избила шайка Виргла. Как говорится, вернули с небес мордой в грязь.

– Третья моя вина – перед тобой, дочь. – Мама принялась иступлённо целовать такие же, как у неё, волосы Лейлы, повторяя: – Прости, прости! Через неделю в деревню приехал ещё один караван, крошечный, всего из двух торговцев. И у одного из них я выменяла зелье Восстановления тела. Я отдала в обмен твоё наследство – весь набор своих инструментов кожевника. Он убеждал, да я и сама знала, что оно спасёт вашего отца. Но...

Мама замолчала, а я снова опустил глаза в пол и с удивлением увидел в мерцавшем неверном свете очага капли влаги под своими ногами. Я плачу? Тот день я тоже помнил так ярко, как будто это было вчера. День, когда наша семья стала меньше.

– Торгаш убеждал меня, что зелье принято поздно, и ему не хватило жизненных сил на заживление ран. Такого просто не могло быть! Я родилась и прожила всю жизнь в пятизвёздочном посёлке! Я не раз слышала про тех, кто принимал это зелье. Я даже видела этих людей, когда их приносили из пустоши! У многих из них раны были ещё хуже, чем у мужа! В самом зелье уже были травы, дарующие жизненную силу!

Мама кричала, вытирая слёзы с лица. Она так же кричала и в тот день. Я помню.

– Я ничего не могла доказать, ведь печать зелья я осматривала в присутствии свидетелей, и она была цела. Но я не верила. Долгие месяцы следила за тем, как этот гнилой старикашка, которого чудом не прибрали к себе Небеса, крутит какие-то дела с Кардо, и всё сильнее уверялась, что они вместе убили моего мужа. И два месяца назад, когда здесь был настоящий большой караван из Арройо, а не одна повозка старикашки, я смогла тайно встретиться со странствующим аптекарем. Я вручила ему пузырёк от зелья. Отдала все деньги, что ещё оставались у меня, но это было не зря, не зря!

– Мама! Мама! – Я рванул ворот рубахи, разрывая завязки, слушая её страшный каркающий смех. – Что он сказал?

Мама подняла на меня горящие ненавистью глаза:

– Он сказал, что это было зелье Усиления! Оно просто убило вашего отца, направив последние ресурсы его тела на усиление мышц! Это зелье ничуть не дешевле лечебного, и если бы оно было у Римило в день схватки, то он с лёгкостью убил бы Монстра. Я не верю,

что торгош по своей воле подделал печать и подсунил нам это зелье! Всё, что отбирает Кардо у жителей деревни, уходит этому торгошу! Кардо заплатил ему за убийство вашего отца! Иначе быть не может!

Шатаясь, я вышел на улицу, не в силах больше находиться в хижине. Прислонился к холодной стене, не беспокоясь о побелке, пачкавшей спину, и поднял глаза к звёздам.

Где-то далеко-далеко были шакалы, рыскавшие в поисках того, у кого можно украсть мясо. Раздался едва слышный рёв леопарда, и шакалы затихли. Похоже, хотели начать свару и отобрать часть добычи, но трусили.

Вслушиваясь в звуки ночи, я копался в своих воспоминаниях и заново перебирал картинку памяти. Не только тех двух дней, которые, казалось, были выжжены в ней, но и других, оставшихся только смутными образами. И всё больше уверялся в правоте матери. Всё, что я вспоминал, говорило о том, что Кардо мог заплатить за смерть отца. Я знал даже больше мамы. Ещё месяца не прошло с тех пор, как я прятался от Виргла возле тренировочной площадки. А за стеной сарая, в котором хранились запасные копы и мерные гири, Кардо разговаривал с тем старикашкой торговцем. И разговор этот был разговором равных людей, которые давно знают друг друга. Он был полон недосказанности и намёков, понятных только тем, кто обсуждает это уже не первый десяток раз. Я понял лишь, что всё идёт так, как должно быть, что-то даже лучше, и последнее зелье будет в срок, а торговец не подведёт Кардо, особенно если тот ещё чуть увеличит поставки.

На горизонте сверкнула молния приближавшегося дождя, заставляя мои мысли пойти по другому руслу. Я заглянул в хижину:

– Мама, если у нас есть родственники в Арройо, почему ты не подашь весть о нас?

– Я сирота. – Бледная мама сидела возле очага с Лейлой на коленях и расчёсывала её волосы, отросшие уже почти до пояса. – Там отец и мать Римило. С ними мы не ладили. Они не простили сыну, что он взял меня в жены, нарушив их планы. И не пускали его на порог. Но вот с братом Римило – Варо – мы продолжали общаться, несмотря на запрет отца. Именно ему я и писала дважды. И два месяца назад отправила с караванщиком ещё одно письмо. Я не знаю, почему он ни разу не прислал ответа. Всё же прошло уже шесть лет, многое могло случиться, хотя я стараюсь не отчаиваться и не думать о самом плохом.

– Есть ещё инструменты отца. Почему ты не продашь их? И мы бы могли устроиться в караван.

– Это твоё наследство. Я не нарушу желания Римило, – нахмурилась мама, бросив взгляд на сундучок возле своего лежачка.

– Даже если это, возможно, спасёт нас? – Я был упрям.

– Не обольщайся, – покачала головой мама. – Если с твоим дядей, не дай Небеса, что-то случилось, то мы останемся в посёлке без поддержки и без денег. Я не смогу работать с кожей. У меня нет инструмента, не будет денег выкупить место. Мой учитель был добрым стариком, но он уже умер. А просто так никто не пустит чужого мастера в свою мастерскую, каждый хранит свои секреты, а для ученика в другом деле я уже слишком стара.

Я вскинулся, желая возразить, но замолчал под взглядом мамы. Не время для протестов глупого ребёнка. Мама и впрямь словно постарела за то время, что я пробыл на улице. Она усмехнулась:

– Мне придётся перебиваться грязной работой, которая ненамного лучше сегодняшней, а Арройо – посёлок недешёвый, и нам останется только уповать на милость немногочисленных знакомых. Их поддержка не будет вечной, а нас трое. Мы будем падать всё ниже и ниже. Поверь, сын, я знаю, о чем говорю. Ведь когда-то я карабкалась вверх, но тогда я была одна. А мы в итоге окажемся там, где я начинала. В тущобах. Я выросла в них и не желаю, чтобы мои дети попали туда. Там вам придётся гораздо хуже, чем здесь. Поверь бывшей побирушке, сын. Меня, восьмую звезду Возвышения, легко бы приняли охотники на Монстров. Но это

смертельно опасно, а я не могу оставить вас одних. Моя смерть будет самым страшным предательством своих детей. Сынок, чего я только не передумала за это время!

– Подожди, – не сдавался я, хотя у меня уже начала болеть голова от этого клубка проблем. – Неужели наши дедушка и бабушка бросят нас в трущобах? Детей своего сына?

– Поверь. – Мама криво улыбнулась, качая головой, её уже высохшие волосы рассыпались по плечам. – Для них вы – прежде всего мои дети, проклятое семя воровки.

– Воровки? – Я уже не мог удержаться и схватился за голову.

– Ах, сынок, ты не знаешь, на что человека толкает голод. Давай поедим, а завтра вечером, если захочешь, снова задашь вопросы.

Прекратив разговор, мама оглянулась на очаг и глиняный горшок, всё ещё манивший ароматом. Я понял, что сегодня больше ничего не узнаю, и мне осталось только сдаться.

Глава 2

Я прятался от чужих взглядов в оплавленных руинах одной из пещер на берегу реки и бросал в воду камушки, слишком мелкие, чтобы собирать их для деревни. Как пишут в книгах, здесь раньше был огромный город, крышами своих зданий упиравшийся в небеса. Если вспомнить Чёрную гору, то она действительно достаёт до облаков. Хотя мне сложно представить сотни столь высоких жилищ. Все они пали в один день, рассыпавшись белоснежным песком, который и дал название нашей пустоши. Песок лежит на многие тысячи шагов вдоль обоих берегов реки. И также в стороны от реки. Но даже если уйти далеко в пустоши и копнуть там серую землю, то под её тонким слоем обязательно окажется тот самый белый песок.

Это был огромный город, размеры которого мне тоже сложно уложить в голове, ведь даже его руины тянутся на два дня пути в обе стороны от деревни. Но сейчас от него осталась лишь крохотная часть: только вдоль кромки берега стоят не обратившиеся в прах чёрные скелеты прошлого. Не знаю, что послужило причиной – близость реки или особая прочность этих зданий, которые по цвету отличаются от песка. Невысокие, в два, в три, редко в пять этажей. Единицы остовов выше этого предела. Чёрные, пустые, зияющие провалами окон, они невольно внушают страх и опаску.

Я был здесь однажды ночью, когда при свете луны белое кажется чёрным, а чёрное – белым. Жуткое зрелище – остовы действительно походили тогда на костяки давно умерших чудовищ. Странно бояться домов великих предков, но это пришло мне в голову только под крышей родного дома, куда я в страхе вернулся в ту ночь.

В голове всё ещё крутились, наверное, раз в сотый, слова матери, услышанные вчера. Во всяком случае, теперь многое становилось понятным. Я слышал поговорку у караванщиков: «Я не вижу солнца надо мной». Это значит, что в жизнь пришла песчаная буря, которая может похоронить под собой, насыпав сверху целый холм песка.

Мама постоянно повторяет, что стоит только подождать, когда я подрасту, – и мы скопим денег и уедем. Теперь я хотя бы понимаю, куда она хочет уехать. Не знаю, может, она и не зря ходит, невзирая на мои протесты, на Чёрную гору за травами. Ведь ей удаётся утаивать от Кардо свои находки и копить их. Она стиснула зубы и терпит унижения и лишения. Но мне и раньше было тяжело сдерживаться, вчерашний камень в мешочке не даст забыть о желании проломить голову этому Вирглу. А теперь, когда я знаю, что отец был убит? Теперь, когда я каждый день буду видеть убийцу и его сына?

«Терпи, ещё год-два – и мы уедем от этих ублюдков», – строго сказал я себе и представил, как меня окружают прихлебатели Виргла и обливают помоями. И честно признался себе, что сорвусь. А ведь это одна из любимых шуток Скирто. Мне мало просто терпеть ради того, чтобы уехать в Арройо. Отец всю жизнь хотел увезти нас оттуда, ради этого он прорвался на десятую звезду Возвышения, совершил чудо, перейдя на следующий этап Воина.

Я вытащил из мешочка тот странный камень, который стал свидетелем моего унижения, и сжал его в кулаке. Мне тоже нужна цель. Что-то, ради чего я буду покорно терпеть и стискивать зубы, а не приду однажды в хижину Виргла ночью и не проломлю ему голову.

Мама рискует жизнью, бродя в одиночку в туннелях Чёрной горы, но, найдя дорогое растение, говорит себе: «Всё это не зря!» А я? Полью свою норму общинного огорода, вечером накормлю маму похлёбкой из мяса, добытого не мной, и скажу себе эти же слова? Смешно...

Деньги? Ещё смешнее. Откуда их возьмёт ребёнок, который целый день занят поливкой или поиском камней в руинах Древних?

Сила? Зимой меня не пустили на тренировочную площадку, когда я вошёл в возраст, с которого и начинают Возвышение, а учитель Орикол окинул взглядом и отвернулся. А я ведь

знаю, что учат всех! Мама, которая, оказывается, была беспризорницей, это правило наглядно подтверждает.

Кардо нарушает ещё один закон Пустошей. Или нет такого закона? Не знаю. В любом случае стать сильным можно и самому. Я не раз слышал, как Орикол вопит о тупых свиньях, которые должны выучить всего одно наставление, но не могут даже прочитать его полностью. Пусть мой отец тоже не мог прорваться к десятой звезде долгие годы, но, найдя свою ошибку, проявил огромный талант. А значит, у меня в этой деревне есть больше шансов, чем у остальных! Мне нужно достать наставление! Мне нужно покончить с моим бессилием!

Об этом я и сказал вечером маме.

– Тебя не пускают на тренировки? Почему ты молчал? – Она нахмурилась.

– У тебя есть наставление по Закалке меридианов? – терпеливо повторил я вопрос, не видя смысла говорить одно и то же.

Но она, смотря куда-то сквозь меня, словно не видя, продолжала в неверии повторять:

– Как так? Как он посмел? Да мы с помоек приходили на тренировки!

Эти слова только подтвердили мои догадки. Я вздохнул, сжимая кулаки:

– Мама! О чем ты думаешь? Он убил отца, разорил нас, вся деревня живёт впроголодь, отдавая всё добытое в пустоши ему. Что ему один пацан?

– Да-да! – Мама тряхнула головой, разметав, как я любил, по плечам свои красивые светлые волосы, словно отгоняя пристающую мысль, как муху. – Ты прав. Он многое посмел. Вот только насчёт голода и того, что отдают всё, ты ошибаешься. Мой наметанный глаз не обманешь. С каждым днём и охотники, и собиратели утаивают всё больше добычи. Чем больше Кардо бесится на утренней раздаче заданий, требуя повесить нормы, тем сильнее они падают. Люди отлынивают везде, где могут. Люди устали, Леград.

Услышав это, я радостно оскалился:

– Так, может, найдётся тот, кто свернёт ему шею?

– Я не рассчитываю на такую удачу. Если бы в деревне были равные ему, за этим бы дело не стало. Но! Я сильнее всех мужчин деревни! И даже я не решаюсь напасть на него. Я слабее на звезду и я не охотник, и тем более не боец. Ничем хорошим это не кончится, – вздохнула мама.

– Жаль. – Я усмехнулся своим наивным желаниям. – Но что с наставлением?

– Нам оно давно без надобности, мы знали его почти наизусть. Я могла бы написать тебе его, но нужно найти хорошую бумагу, чтобы не расплзлась через месяц. Да и никто не застрахован от ошибок и неверного понимания, которое въелось в память, а художник из меня никакой. – Мама поморщилась, что-то обдумывая. – Поступим проще. Вообще странная, даже глупая ситуация. Ладно на тренировки не пускают. Это у меня, сироты, не умеющей читать, не было выхода. Но у тебя есть я. В деревне в каждом втором доме имеется наставление! Неужели он думает, что ты не найдёшь у кого взять книгу?

– Точно! – Я понял её. – Она есть у Рата! Можно попросить прочитать!

– Не стоит, – возразила мама. – Я хочу, чтобы у тебя была своя. Утром, перед тем как уйти на сбор, я дам тебе пучок травы. Найдёшь дядю Ди, пока он не отправился в пустошь, улучишь момент, когда никто не смотрит, и отдашь ему. У него попросишь бурдюк вина. Его отнесёшь Ориколу и попросишь наставление. Будь вежлив с ним. За вино дяди Ди он тебе с радостью отдаст книгу. Но сделать это нужно в середине дня.

– Почему именно так? – уточнил я, стараясь во всём разобраться. – И почему вежлив?

– Ах! – засмеялась мама и щёлкнула меня по кончику носа. – Утром ему всё равно, что налито в стакане, лишь бы полечить больную голову, а вечером он будет пить даже мочу, если она хмельная. И зачем грубить человеку, который не сделал тебе ничего плохого? И к которому придётся обращаться за советом?

И вот после обеда я сидел в сарае возле тренировочной площадки и всматривался в щель между камнями, откуда высыпалась глиняная замазка. Это центральная площадь деревни, где происходят все важные события: экзамены, принятие в новики, посвящение в охотники, повседневные тренировки решивших возвыситься. Она отделена от домов невысокой прямоугольной оградой из камня и глины. Её отличие от большинства подобных оград в деревне – это сделанные из дерева широкие калитки, почти ворота. По одной на каждую сторону площади. Такие же не плетенные из тростника двери можно увидеть только в доме главы деревни. Есть слишком много других вещей, на которые можно потратить дорогое дерево с большим толком.

Мне нужно выбрать момент и проскочить через двое ворот, миновав открытое всем взглядам пространство – так, чтобы никто не заметил, что я вошёл в дом учителя Орикола. К сожалению, с другой стороны деревни это сделать ещё сложнее, там дома вождя, его семьи, уважаемых охотников, но не дяди Ди, к слову. Даже если я просто войду в ту часть деревни, проблем не избежать.

Никого не вижу, похоже, что пора. И я быстрым шагом, крепко придерживая под старой рубахой бурдюк, пересёк площадку и скользнул за травяную циновку, повешенную на входе.

Дом деревенского учителя встретил меня ужасающим запахом немытого тела, перегара и протухшей еды.

– Кого там вонючие дарсы принесли?! – раздался раздражённый рык.

– Не кричите, уважаемый Орикол, – попросил я, делая шаг вглубь и надеясь, что меня не стошнит.

– Вот это да! «Уважаемый»! Да меня так не называли уже, наверное... Да ни гарха меня никогда здесь так не называли! Кто там такой умный и вежливый припёрся? – В темноте загремело, что-то упало, и в полумрак возле циновки вышел Орикол. – Ты кто такой, молокосос?

Орикол был жутко грязен. После его появления вонь стала так сильна, что буквально резала глаза. Он бы хоть циновки скатал, чтобы ветерок не только избавлял от жары, но и проветривал дом. Но учителю, похоже, было всё равно – он к этому привык. Одет он сегодня был в широкие кожаные штаны и дорогую выбеленную тонкотканую рубаху с длинными рукавами. Когда-то дорогую. Сейчас она была черна от въевшейся пыли и покрыта пятнами пролитого на неё вина. А ещё Орикол был бос, как последний бедняк нашей деревни. Ведь даже я, главный оборванец среди мальчишек, ходил в мокалинах. Давно не бритый и не стриженный, с сальными чёрными волосами, в которых добавилось седины, учитель слабо напоминал того человека, которого я когда-то впервые увидел у костра в центре деревни.

– Я Леград, – сказал я и, не видя понимания в мутных глазах успевшего опохмелиться учителя, уточнил: – Сын Эри и Римило.

– А? А! Ага. Помню. – Орикол задрал голову и стал чесать обеими руками шею под короткой неряшливой бородкой. – Чего тебе нужно от меня, мелкий?

– Прошу вас выдать мне наставление по Закалке меридианов. – Не дождавшись ни звука от деревенского учителя по Возвышению, я продолжил: – Моя десятая зима уже наступила, вы должны меня учить.

Конечно, мама советовала не искать проблем, но злость на всех в деревне, а на него в особенности, жгла язык.

– Кардо дружески посоветовал мне не учить тебя. – Орикол пожал широкими плечами.

Он, к слову, был удивительно могуч телом. Казалось бы, пьёт каждый день и не выходит из своего дома неделями, а по-прежнему перевит мышцами, как и тогда, когда мы приехали сюда.

– Твой отец был невероятен и достоин моего уважения. Но этого мало, чтобы искать неприятности на свою голову, пуская тебя на занятия. – Орикол помолчал и продолжил, грязными пальцами расчёсывая бороду непонятного в этом полумраке цвета: – Вот твоя мать хороша, почему она не пришла ко мне просить за тебя?

Я рявкнул:

– Ах ты!

А затем буквально зажал себе рот, сдерживая все те ругательства, что лезли из меня после этих гнусных слов. Заставил себя глубоко дышать, невзирая на вонь, чтобы успокоиться и не броситься на этого грязного алкаша.

– Га-га! – противно заржал, словно мул из обоза, Орикол. – Вот я из «уважаемого» снова превратился в простого «ты». Это мне знакомо, это мне привычно. Вали отсюда, щенок.

– Я ведь не прошусь в ученики, а хочу получить лишь одну книгу. Зачем уважаемый, – я выдал это слово из себя, представляя, как сжимаю грязное горло учителя, – мечтает о несбыточном?

Орикол показал зубы в оскале:

– Какой дерзкий щенок. И что же, по-твоему, для меня сбудется?

Теперь оскалился я и, вытащив из-под рубахи бурдюк, чуть встряхнул его, чтобы он булькнул.

– Прошу, возьмите.

– Щенок учится огрызаться! – Орикол плюнул на пол, который от этого не стал грязнее. – Исчезни с моих глаз, пока я не отбил тебе зад, выкидывая из моего дома.

Но я не сдвинулся с места.

– Это вино охотника Ди.

– Ух ты! – Орикол снова почесал шею, а затем в раздражении дёрнул короткую бороду. – Сам бы ты не додумался до этого. Но вряд ли Эри советовала тебе мне хамить.

Я вновь сдержал рвавшиеся изнутри слова. Не сейчас, когда всё висит на волоске. Продолжил слушать.

– Да, искушение велико, – кивнул Орикол. – Хорошо, щенок, давай его сюда.

– Книгу! – Я быстро спрятал бурдюк под рубаху и отступил к циновке, готовый выскочить из дома.

– Щенок умеет думать? – Орикол улыбнулся так, что мне захотелось самому плюнуть, и развернулся. – Сейчас. Лови!

Хотя к сумраку вокруг я уже привык и движение Орикола видел, но среагировать не успел – мне в грудь что-то врезалось. Книга. Я быстро поднял её, спрятал за пояс и протянул бурдюк:

– Спасибо, уважаемый.

Орикол, уже успевший за эти мгновения найти грубый стакан красного обжига, до этого валявшийся на полу, сейчас с сомнением его разглядывал.

– Ой! – поморщился он. – От твоего именованья у меня сводит скулы, столько в нём яда. Будь проще, пацан, я просто немного развлёкся. Говорю же, я уважал твоего отца.

Я уже осматривал улицу, щурясь на яркий свет в щели циновки, но промолчать не мог, слишком часто я сдерживал себя в последние вдохи:

– И оскорбляешь мать.

– Ты видишь второе дно в простых словах! – Орикол рассмеялся. – Я говорил, что она хороша с восемью звёздами.

– Да, конечно. Я даже попробую поверить, – процедил я сквозь зубы в ответ на эту ложь.

– Да как хочешь, мелкий. Да! – спохватился учитель. – А ты вообще читать умеешь?

Не собираясь больше с ним разговаривать, я выплюнул одинокое слово:

– Умею.

– А, ну да. Чтобы Эри не научила тебя... Что-то туплю, да. Удачи тебе в Возвышении, – отмахнулся от меня Орикол и забормотал, отворачиваясь: – А мне нужна бритва. Пить это вино в таком виде – это упасть ещё ниже. Нужно же когда-то цепляться, даже падая в пропасть, дно уже близко. И помыться, да, определённо помыться!

Проделав обратный путь и добравшись до знакомого сарая, я наконец решил посмотреть, что же мне подсунил этот грязный алкаш. Небольшая тонкая книга-кодекс в твёрдом, обклеенном кожей, переплёте. На корешке тиснением нанесена надпись: «Закалка меридианов». Проверив через щель, по-прежнему ли пусто вокруг, я с трепетом открыл титульную страницу.

Закалка меридианов

Выпущено свободным городом Морозная Гряда

Издание триста двадцатое, отпечатанное в триста шестьдесят четвёртый год от Падения Мщения

Через тысячу вдохов, потраченных на чтение, прерываемое на осмотр округи из-за боязни быть обнаруженным, я смог для себя обобщить содержимое книги в вольном пересказе основных вех.

Всё вокруг пронизано энергией. Самой разной. Даже мы сами и всё, что нас окружает, – это особый вид энергии. И мы, люди, постоянно поглощаем струящуюся между Небом и землёй энергию. Древние обнаружили, что можно натренировать силу этого поглощения и обратить добытое на свои нужды. Стать подобным Небу в своём могуществе. Этот путь они назвали Возвышением. Первый этап Возвышения Древние назвали Закалкой Меридианов.

В теле человека, среди множества других, ими была найдена особая система органов, отвечающих за взаимодействие с энергией Неба. Она очень разветвлена, пронизывает всё тело, и на первых порах обнаружить её у обычного человека совершенно невозможно. В книге приводили пример: кровь в теле переносят вены, а энергию – меридианы. Ученику, ставшему на путь Возвышения, необходимо мысленно представлять, как он всем своим телом впитывает энергию из окружающего мира и направляет её на Возвышение или, если проще, на развитие меридианов.

Затем, используя развитые меридианы как каналы, он может потратить поглощаемую энергию на полезную работу, то есть на улучшение тела. Самый простой способ проверить, сумел ли ты верно сделать это, на котором с древности и основана проверка Возвышения, – поднятие тяжестей. Хотя Возвышение увеличивает гибкость, скорость, прочность костей и всего тела. Но проще всего узнать вес, который тебе по силам поднять.

Отвлекаясь от книги, я посмотрел на всевозможных размеров каменные тумбы с ручками, которыми был завален сарай.

Новорождённый с теми каналами, что он получил при рождении, считается первой звездой Закалки меридианов. Обычно к десяти годам, когда и начинают заниматься их развитием, дети считаются достигшими двух звёзд. Хотя некоторые мальчики могут сдать экзамен и получить не только три, но и четыре звезды. Но поднятие мерных гирь – это во многом приблизительная и грубая оценка, которая совершенно не учитывает размеры мышц испытуемого. И вот тут-то всех практикующих Возвышение и идущих к Небу и ожидают огромные сложности, названные в книге тремя препятствиями Закалки меридианов.

Первая преграда. Закаливающий меридианы не может ощущать и тем более видеть движение энергии в них. И зачастую, занимаясь Возвышением, идущий к Небу просто не может научиться поглощать больше силы, чем умел при рождении.

Вторая преграда. Даже научившись поглощать дополнительную энергию, практикующий часто ошибается и направляет её не на дополнительное развитие меридианов, а на развитие того, что легче всего ощутить, то есть на мышцы. И превращается в огромного, увитого ими здоровяка. И даже сможет взять планку финального экзамена в четырёста мер. Но он никогда не прорвётся к Воину духа, как это сумел сделать мой отец. Потому что его меридианы по-прежнему тонки и неразвиты.

А стоит экзаменатору для дополнительной проверки использовать Мерило, особый артефакт, сделанный ремесленниками и оценивающий именно толщину меридианов, и вся гор-

дость такого человека будет уничтожена. Верить, что ты близок к Воину, и узнать, что твоё Возвышение – в лучшем случае на уровне пяти-шести звёзд? Ужасно. Понятно теперь, почему Орикол так орёт на своих учеников.

Третья преграда самая тяжёлая. Она связана с талантом. Можно научиться осознанно поглощать энергию, правильно направлять её в невидимые меридианы и столкнуться с тем, что они просто не растут!

Нормой считается достичь десяти звёзд к шестнадцати годам. Хорошим талантом – за четыре года. Моему отцу было двадцать девять, когда он погиб.

Казалось бы, его талант близок к нулевому, но не стоит забывать, что он вернулся с неправильного пути развития мышц. Развил меридианы, достиг десятой звезды и прорвался к Воину, не имея никаких руководств, кроме пересказов отбросов, вышвырнутых в наши земли. И всё это за четыре года!

Как минимум его талант был хорош! А это очень важно, поскольку считается, что если талант человека хорош, то и дети чаще всего наследуют его. И наоборот. Именно поэтому население всего Нулевого – это отбросы, постепенно скатившиеся сюда из Поясов.

При этой мысли я криво усмехнулся. Действительно, мой отец хорош. Но его предки были вышвырнуты сюда за то, что провалились в Возвышении. Как и предки матери, которая так и не вышла за пределы восьмой звезды.

Я помотал головой, отгоняя мрачные мысли. Она никогда и не стремилась к Возвышению, а глядя на её невысокую точёную фигурку, никто не усомнится, что гиря в триста мер, взятая на экзамене, – это именно развитые меридианы.

Для преодоления всех трёх преград книга советовала внимательно слушать наставления учителя и при малейшем сомнении просить о проверке движения энергии в меридианах духовным зрением. «Шутники!» – скептически подумал я о написавших эту книгу чудаках. Где они видели учителей с духовным зрением в Пустошах? Здесь появляются только Воины, и они точно этого не умеют. Возможно, в бесконечно далёком от нас Втором и Третьем поясах и появляются внимательные учителя, которые заботятся об учениках и даже обладают этим зрением. Но и там, судя по байкам пьяного Орикола, они редки, словно засохшее дерево в нашей пустоши.

Я снова посмотрел на гири вокруг – на этот раз с желанием проверить себя. Поблизости никого? Что там видно в щели? Пусто, все на работах. Ну-ка, проверим своё Возвышение!

Итог был вполне ожидаем для начала пути к Небу. Третья звезда, пятьдесят мер, поднятых с выпученными глазами. На камень с четырьмя грубо выбитыми звёздами я только поглядел, трезво осознавая свои пределы.

«Значит, так! – Я глубоко вздохнул. – Как было в той книге? Если уж ставить себе цель, то великую! Нацелимся для начала на гору высотой четыре года. Посмотрим, смогу ли я взобраться на неё. Или навсегда останусь в Нулевом круге».

Глава 3

Таская тяжёлые вёдра с водой на деревенский огород, я обдумал всё, что прочитал, всё, что слышал раньше, и всё, что выпросил ночью у мамы, пока она не заснула от усталости. И сейчас пытался разложить по полочкам.

Упорядочить знания не выходило. Слишком много противоречий в описании того, как люди поглощают энергию мира. Но если вспомнить, что все они были лишь на стадии Закалки Меридианов, то нестыковок просто не может не быть. Ведь это попытки слепых описать, как светит солнце. Повезёт, если день будет жаркий, и они почувствуют тепло лучей на коже. Похоже, каждый на этом пути набивает свои шишки.

Плохо. Очень плохо, что в наставлении не указали правильный способ. Любимое их повторение: «Представь, как энергия впитывается в твоё тело!» – бесило до зубовного скрежета! Как, как я должен это представить?! Вернее, как это выглядит на самом деле? Неужели сложно было Видящим описать для будущих учеников то, что они наблюдали вокруг?

Опустошив в очередной раз вёдра, позволил себе отдых. Делаю так каждый раз, когда заканчиваю третий по счёту ряд. Посажено на огородах многое, жаль, что в нашу пайку редко это многообразие попадает. Слишком малую пользу мы приносим деревне, по мнению Кардо. Тыквы и лук нескольких видов, горох, редька, хлебный и мясной корень, какая-то непробованная и незнакомая мне зелень, кислая трава, морковь, горькая и огуречная трава, капуста. Весь огород поделен на ровные гряды, полные земли, которую принесли сюда из пустоши. Они прерываются только дорожками из вездесущего песка.

Так что я обычно выбираю самые дальние от подъёма грядки, потому как их никто не хочет брать себе, и поливаю от стены до стены. Иначе будут крики, споры, которые тот же Скирто постарается разжечь, – а в итоге всё равно назначит их мне. Хорошо ещё, что деревня не так высоко поднята над рекой, как кажется на первый взгляд. Тут всего высоты десяток шагов, которыми мы меряем расстояние. Недлинная, сложенная из самана и камня лестница с одной поворотной площадкой. Есть только одно удобное место, чтобы набирать воду внизу, поэтому мостки стоят прямо под спуском с обрыва. Но вот что странно. Почему к концу полива ноги уже не поднимаются по этой короткой лестнице?

Итак, отец словно впитывал воздух, его окружающий, каждым кусочком кожи. Мама представляет, что вытягивает воздух, в котором есть сила, заполняющая её тело. Орикол – это мама мне рассказала – представляет, как лучи света проникают в его тело, пронзая насквозь и оставляя в нём частицы энергии. Больше я никому не могу доверять, остальных я сам не видел. Два Воина и честная восьмёрка. Какой образ выбрать для себя? Или... создать свой?

Объединить все их успехи в одном? Представить, что воздух вокруг будто светится от энергии и сам вливается в меня!

Безуспешно промучившись не меньше двух сотен вдохов, я так и не смог представить, как это – «светящийся воздух». А на меня уже начал коситься здоровяк Порто – долго бездельничая. Повезло, что сегодня он присматривает за огородом. Если бы здесь был Скирто, то я бы уже пару раз упал с вёдрами, а отдыхал бы внизу у реки и чуть-чуть – каждую ходку, чтобы он меньше орал, обзывая бездельником.

Похоже, я тупой, раз не могу представить, как именно светится воздух. Нужно упростить себе задачу. Пусть в воздухе будет светиться мельчайшая невесомая пыль, даже мельче той, которая повисает над руинами Древних, когда они лопаются. Пусть, как только я начинаю поглощать энергию мира, вокруг меня появляется облако этой светящейся голубой пыли. И она оседает на моей коже, впитывается, а ещё я вдыхаю её, и она заполняет лёгкие, проникая в кровь.

Я остановился на берегу и попробовал вообразить придуманное. И, должен заметить, с этим образом у меня получилось гораздо лучше! Счастливый от своего маленького достижения, привычным движением зачерпнул воду тяжеленным ведром и поспешил назад к лестнице.

Вторая проблема – это сложность развития именно меридианов. Я не хочу упереться во вторую преграду. Я не раз видел, как занимается шайка Виргла, все вечера проводившая на площадке. Сначала они сидят, видимо, поглощая энергию, а затем вскакивают и словно бешенные начинают поднимать гири. Как только у них заканчиваются силы, снова садятся на песок. Виргл – седьмая, двое – шестая, остальные – пятая и одна четвёртая звезды. Четвёртая, кстати, – это как раз крысёныш Скирто. Единственный слабак среди них, а ведь Виргл любит сильных. Но Скирто берёт другим, мелкий поганец.

Я поморщился, вспоминая крысёныша. Его из всей этой шайки я ненавижу лишь чуть слабее, чем Виргла. Вроде бы они сильные, в четырнадцать лет седьмая и шестая звезда – это, согласно наставлению, почти нормальный талант. Но они все здоровяки, Порто так вообще уже скоро в дом боком проходить будет. Это первое, что заставляет скептически относиться к их способу тренировки: подозреваю, что они явно развивают не меридианы. Второе – это уроки Орикола. Когда он вспоминает, что является деревенским учителем, и всё же выбирается на площадку, его крики о «гарховых придурках» разносятся по всей округе.

Снова обратимся к достойным примерам. Отец, Орикол и мама. Отец был могуч телом – не такая гора, как Кардо, но все же. Он был кузнецом и наверняка с детства таскал тяжести, но в начале Возвышения свернул не туда. Орикол тоже широк в плечах и словно переплетён мышцами, однако его истории я не знаю. Мама совсем не похожа на Миргло – самую сильную женщину деревни, которая также имеет восемь звёзд. Я вздрогнул, вспомнив её. Не дай боги такую жену! Бедный Котил!

Не знаю, как следовала Возвышению мама, но сомневаюсь, что она круглыми сутками таскала тяжести в трущобах, раз уж вспоминает о недоедании. Значит, не стоит мне вообще подходить к тяжестим и... Тут я даже остановился, расплескав воду. Не есть? Как-то я не готов к таким жертвам. В наставлении ни слова не было о голодании. Четыре года недоедать? «Нет», – твёрдо сказал я себе. Это только на самый крайний случай! Мы и так скудно питаемся, жрать постоянно хочется – Кардо сильно урезал нам пайку за общественные работы по сравнению с остальными. Если бы не дядя Ди...

– Эй, Леград! – окликнул меня Порто, прерывая мои размышления. – Иди сюда.

– Что хотел? – мрачно спросил я, не ожидая милостей и разминая ладони после новых, ещё ворсистых верёвочных ручек тяжёлых вёдер. Которые на самом деле – просто корзины, сплетённые из камыша и обмазанные тонким слоем глины.

– Виргл сказал, что как закончишь с грядками, то с тебя сорок мер камней, – подтвердил мои опасения Порто.

– Весь прошлый месяц было двадцать, какого дарса?! – возмутился я.

С этим здоровяком, которому я не достаю даже до плеча, как ни странно, можно позволить себе проявить чувства.

– Если уж ты спрашиваешь... – Порто пожал плечами-глыбами, плотно обтянутыми тонкой кожаной рубашкой. Он, наверное, раза в два крупнее меня. – Выше по течению руина лопнула.

Я скептически ухмыльнулся:

– Да если все об этом знают, то уже и выгребли подчистую.

– Там выгребли, но редко в одном месте разрушается, – невозмутимо заметил здоровяк.

– Да ладно! Просто у Виргла появился законный повод увеличить норму. – Я сплюнул скрипевший на зубах песок.

Порто отмолчался. – он никогда не позволял себе обсуждать решения своего главаря.

– Хорошо, я понял, – сказал я. – Две нормы на благо деревни от любимца Виргла.

«Этот вонючий дарс Виргл!» – продолжал возмущаться я, шагая вниз по течению и до боли сжимая тот самый камень Древних в кулаке. Идти туда, куда говорил Порто, бесполезно, там наверняка всё уже обыскали. Неделью меня не ставили на камень, и я был рад. А зря! Виргл снял меня с этой работы, как только узнал про свежую россыпь. А теперь, когда её выгребли, поставил меня обратно с повышенной нормой!

«Сволочь! Здоровый тупой урод! Чтоб тебе голову напекло! Чтоб тебе Орикол пинка по пьяни отвесил!» – проклинал я Виргла.

«Стой, стой, стой!» – опомнившись, попытался себя успокоить.

У меня есть цель. Впереди ещё четыре года. Если я на каждую мелкую подлость буду так реагировать, то точно не доживу. Буду так себя распалять – и однажды брошусь на Виргла или на его подручного. И всё. Это станет моим концом. Если я дам такой шикарный повод Кардо, то меня однозначно накажут. И не будут пальчиком грозить. Скорее, сразу выкинут из деревни. Иначе говоря – убьют. Пацан – один в пустоши? Это смерть.

Хорошо, если мама выдержит и не сорвётся, как я. Иначе это будет просто небесным подарком для нашего «не совсем вождя» – мы все окажемся в его полной власти. Например, он на законных основаниях убьёт нашу семью. Лейлу, может, не тронут, но она останется одна. Или... Кардо потребует, чтобы мама грела его постель, если она не хочет, чтобы детей вышвырнули за ограду. Я вздрогнул от одной только мысли об этом. Ни за что! Поэтому нужно немедленно успокоиться и учиться с улыбкой встречать такие моменты в жизни. Я посмотрел на камень в руке и вернул его в мешочек. Сначала необходимо обрести силу.

Сорок мер? Отлично. У меня припрятан неплохой запас камней, но его мы оставим на чёрный день. И вообще, лучше бы пополнить тайник. Я становлюсь старше, и Виргл наверняка будет увеличивать норму, даже не дожидаясь удобного случая. Нужно готовиться к худшему. Не сдам сегодня норму и меня лишат пайки еды? Хорошо, пусть так. Значит, действительно поголодаю, не давая мышцам шанс вырасти, а еду, полученную за полив огорода, отдам маме с сестрой. И главное – улыбаемся. Глядим на голубое небо и улыбаемся. Глядим на чёрные руины Древних – и улыбаемся, даже если от их несокрушимых стен не отвалилось ни кусочка. И, пожалуй, хватит бесполезно тратить время, пора начать практиковаться в Возвышении.

Я выбрал место в руинах, чтобы меня не только не было видно со стороны, но и подойти незамеченным оказалось бы сложно. Не нужно никому знать, что я получил доступ к методике Закалки. Иначе об этом быстро прознает вождь-убийца и его сыночек, и тогда моя жизнь тоже будет в опасности. Он может не бояться застрявшей в Возвышении женщины и необученного пацана, продолжая издеваться над ними и пробуя границы их терпения. Но, увидев намёк на вероятную угрозу, – кто знает, как он решит её устранить? Незачем рисковать жизнью и будущим своей семьи.

Почти тысячу вдохов заняла попытка научиться держать в голове образы светящейся пылицы и расходящейся по телу энергии. Я решил, что самый лучший способ – представлять, как при каждом вдохе в моём теле загорается голубой узор меридианов и узлов. Один в один как в книге. Буду воображать, как постепенно меридианы впитывают энергию, которую я поглотил, и растут, становясь ярче. Ещё больше времени ушло на то, чтобы научиться представлять эту пылицу на ходу, не теряя сосредоточенности.

В итоге, сбивая ноги на этих руинах и заново создавая пропавший образ, я понял, что слишком многого хочу в первый день. Лучше этим заниматься на поливке. Не такие уж неподъёмные ведра, ровная лестница, монотонное занятие, не требующее внимания, – идеальные условия! И отложил попытку поглощения энергии. Иначе я точно ни одного камня не соберу.

Стоило принять это важное решение и облегчённо вздохнуть, как жизнь подкинула следующий выбор. За очередной стеной я обнаружил камень. Своим весом он один перекрывал всю мою сегодняшнюю норму. А значит, был вдвое ценнее. А почему? Да потому что всё,

построенное Древними здесь, либо давно рассыпалось в песок, своим цветом давший название нашей пустоши, либо такое крепкое, что нашим инструментом его просто невыгодно добывать. Будь у нас достаточно небесных металлов из Первого пояса, хотя бы Красного металла, всё сложилось бы по-другому. Но они слишком дорогие. У отца были маленькие пробойники из Лыистой стали. Это всё, на что в своё время хватило немалого заработка деда. Не слышал, чтобы у Газила имелось что-то подобное. Иначе бы кости Рауха не ценились так высоко.

Вот и приходится надеяться на удачу. Иногда оставшиеся руины словно лопаются, сдавшись времени. Но чаще всего они при этом рассыпаются на мелкие осколки – с мой кулак или, реже, с кулак мужчины. А вот крупные куски – редкость. В нашем доме наивысшую ценность представляют не его белёные стены, сложенные из самана, а наш стол, который одновременно и большой, и плоский. Вот и передо мной лежал камень похожей формы, только вдвое меньше. Небывалая удача.

И мне нужно выбрать, следовать ли принятому решению и стараться как можно реже поднимать тяжести. Всё же он для меня очень тяжёл, к тому же тащить его предстоит далеко. Это не воду до огорода донести. Сердито помотал головой. Нет. Нужно быть твёрдым в своём решении. Тем более, если случилось чудо, и после недавних тренировок в меридианах плещется чуть больше силы, чем обычно, то она наверняка уйдёт в мышцы. А значит, лучше поступить иначе.

Спустя пять тысяч вдохов я уже был в деревне. Мне пришлось пройти её насквозь. Хранилище камней у нас с другой стороны поселения. Два невысоких, узких и длинных строения, небрежно покрытых драконьей травой всего в один слой. Это так мало, что через многочисленные щели легко проникают солнечные лучи, а в дождь на полу всегда лужи. Но здесь лишь кучи камней, которым это ничуть не вредит. В хранилище множество дверей, через которые удобно носить камни до ближайшей кучи. Между зданиями под отдельным и добротным навесом стоят огромные весы, сделанные из редкого в наших краях дерева, с железными чашами. Тут использован драгоценный целый и ровный ствол неведомой мне породы. Рядом куча принесённых за последние дни камней. Я с грохотом высыпал свои из мешка в мерную чашу и крутил головой, озираясь в поисках нужного человека.

– Двадцать два. – Зевнув, Ларг сделал отметку на доске, висевшей на складе, и взглянул на меня.

– Согласен, – внимательно посмотрев на мерные камни, которые Ларг положил во вторую чашу, кивнул я. Парень не был замечен в обмане, но осторожность не помешает. Спросил, ткнув пальцем несколькими строчками выше своего имени: – Подскажи, он уже ушёл на добычу?

Ларг отрицательно помотал головой с неровно обрезанными волосами, высыпал мою долю в общую кучу, вытер тряпкой стенки чаши от пыли, закрепил верёвку на плече весов и снова устроился в тенёчке, тут же закрыв сонные глаза. А я, направляясь к дому дяди Ди, вдруг задумался. Может, Ларг не спит, а просто всегда погружен в Возвышение?

«Ха-ха-ха! – Я развеселился. – Отличная отмазка для этого лентяя!»

– Эй, есть кто дома? – позвал я, зайдя за невысокую ограду, сложенную из совсем мелких камней и глины.

– Чего тебе, нахлебник? – раздалось в ответ, заставив меня пожалеть о своём порыве, хотя я подозревал, что так и будет.

– Здорово, Рат, я видел твоё имя на камнях. – Я улыбнулся и выкинул сожаление из головы.

– Ищешь, кто тебе с ними поможет? – насмешливо предположил выглянувший из-за старенькой циновки пацан немногим меня старше и прилично выше.

– Почти угадал. – Я показал ему большой палец, хваля за сообразительность. – Хочу тебе помочь.

– Похоже, мне уши забило песком, я им не верю! – Рат вышел из дома и начал демонстративно ковырять пальцем в ушах. – Может, последний квыргал встал тебе поперёк горла?

– Рат, слушай, – я примиряюще выставил перед собой руки, даже не злясь на него, так смешно выглядели его кривляния, – давай не будем ссориться. Я пришёл потому, что могу тебе помочь, а мне тот камень всё равно не дотащить.

– Камень? – Заметно было, что парень снова готовился сказать что-то язвительное, но я сбил его с мысли.

– Да-да. Пластина под пятьдесят мер. – Я уже даже не скрывал улыбки, глядя на его страдания. Уж слишком жирный куш. Это мне с него не получить всей выгоды, а вот Рату камень зачтут как минимум в двойном размере.

– Хорошо, нахлебник, – не смог не уколоть Рат. – Идём. Оплатишь мясо, не положенное в наш котёл.

– Не-не-не! – не согласился я. – Идём, я тебе по-соседски подгоню каменюку.

– Ладно, – сквозь стиснутые зубы процедил Рат после почти сотни вдохов молчания, пока он, видно, уговаривал сам себя.

– Ну и отлично, – довольно заметил я. – Сходи к Ларгу, возьми переноску и пойдём.

Не проронив за весь путь по руинам ни слова, сейчас сын дяди Ди прервал молчание и, поправив шнурок, стягивавший волосы, нехотя признал:

– Хороший камень. Может, вдвоём сдадим?

– Не, – отмахнулся я. – Тащи сам, мне он слишком жирный, да и Виргл будет косо на тебя смотреть, если Ларг ему доложит.

– Да ему лень будет столько языком болтать, – упрямо гнул своё Рат.

– Это ты не ленись, бери и тащи, а мне ещё двадцатку до темноты собрать нужно. – Я решил закончить бесполезные споры и забраться повыше, чтобы оглядеться и наметить путь, а потому принялся карабкаться по стене.

– Ещё норму? – непонимающе уточнил Рат снизу.

– У любимчиков свои привилегии, – насмешливо ответил я уже с третьего этажа.

Отсюда открылся удивительный вид на пустошь. Над простором белого песка, стелющегося почти до горизонта, обычная блёклая серо-зелёная полоска весенних трав неожиданно оказалась раскрашена яркими жёлтыми пятнами, которые, казалось, сейчас оторвутся от земли и взлетят в нависающее над ними темно-синее небо.

– Эй, стой! – крикнул я в спину уходившему Рату.

– Чего? – мгновенно обернулся мальчишка. – Передумал?

– Нет, – помотал я головой. – Есть ещё предложение.

– Такое же выгодное? С удовольствием! – Рат аккуратно опустил камень и предвкушающе потёр ладони.

– Не совсем. Не выгодное. А если поймают... – я помедлил, – то ещё и накажут.

– Кхе-кхе! – закашлялся мой собеседник и, замолчав, принялся поправлять шнурок, который стягивал его длинные, ниже плеч, волосы в хвост на затылке. – Ладно, рассказывай.

– Мне сверху видно всё, – таинственно начал я. – И вижу я, что начала цвести акация.

– Да, время пришло, уже почти лето. Отец вчера ещё сказал, что зацвела. И? – Рат вздёрнул брови.

– Я не знаю, как ты, а я хочу сделать подарок сестре. Принесу ей цветов. – Я ткнул пальцем в сторону пустоши.

Я видел сверху и то, что Рат замялся, не готовый сразу согласиться на моё предложение. Да, ремня не избежать, если узнают, что дети уходили в пустошь без взрослых. Дело даже не в наказании, а в реальной опасности этого поступка. Придётся с песков, где нам угрожают только скорпионы и змеи, сойти в пустошь, где легко можно попасться в лапы леопарду. Нам даже шакал страшен. С другой стороны, каждый деревенский мальчишка, которому исполнилось

восемь-десять лет, хоть раз, но сбегал в пустошь. Чаще из простой бравады или на спор. А я предлагаю дело. Пусть и совсем никчёмное в глазах некоторых.

– Уговорил! – хлопнул в ладоши Рат. – Мне как раз нужно замирился с Дирой.

Присыпав камень песком, мы лёгким бегом, которым бывалые охотники могут днями передвигаться по пустоши в случае нужды, за тысячу вдохов проскочили полосу почти голого белого песка, и под нашими ногами появилась первая скудная земля пустоши с редкими пучками по-весеннему яркой травы. Обычно пояс песка вокруг деревни гораздо шире, но не в этом месте. Иначе я и не смог бы, пусть даже с высоты, увидеть деревья. Здесь, не считая редких светлых скал, оставшихся от почти полностью разрушившихся зданий Древних, негде укрыться хищнику, но мы всё равно остановились и внимательно огляделись.

Рат ткнул меня в бок и показал, в каком направлении нужно смотреть. Квартики. Вернее, их дозорный выглядывает из-за кочки, оценивая, насколько мы опасны. Намёк понятен. Любой ребёнок знает, что если видишь этого осторожного мелкого хищника, то врагов рядом нет. Бежим дальше.

– Так ты не успеешь набрать камней, до темноты мало времени останется, – нарушил молчание Рат.

– Ерунда. – Я воспользовался поводом и остановился перевести дух. Я не столь вынослив, как Рат, уже несколько лет идущий по пути Возвышения, и пот уже начал лезть в глаза, привлекая мух. Выбрал кусок рукава почище и вытер лицо. – Не в первый раз я не выполняю двойную норму.

– А вообще лихо у тебя выходит. – Сын дяди Ди улыбнулся и показал мне большой палец. – Я видел, на доске уже двадцать два, верно? Я обычно с обеда и почти до вечера по руинам ползаю.

– Просто эта «охота» не для тебя, – подколот я парня, который мечтал ходить с отцом в пустошь.

– Даже не подумаю спорить. Я учусь добывать мясо, которое оставляет за собой следы. Мне нет дела до хитростей камней. Осталось не так долго, и я забуду про это муторное дело. Уж лучше сидеть скоблить шкуры от жира или полировать рога.

Я лишь молча развёл руками и, не ответив, побежал дальше.

– Удачно! – Теперь я сунул Рату сухую палку, валявшуюся у подножия выбранного дерева. Как это сборщики, которым после сезона дождей разрешено собирать сухую древесину, её пропустили? – Ты с ней стоишь на страже, а я полез.

Ухватившись поудобнее за низкую ветвь, подтянулся и начал взбираться по шершавому стволу приятного тёмного оттенка. Сложность начнётся, когда придётся ползти по ветке. Дерево сплошь покрыто шипами длиной в половину моей ладони. Хорошо, что мне нет резона беречь одежду. Она и так стара и вся в дырах.

«Ну-ка, ещё чуть-чуть», – подбодрил себя.

Добрался до удобного места, с которого наконец смог дотянуться до свесившихся сверху молодых веточек с цветами. Девочки будут рады.

Глава 4

Сегодня я раньше обычного вышел на поливку, поскольку не знал точно, как долго мы будем собираться вдвоём с сестрой и как быстро дойдём, а потому сейчас беззаботно лежал на берегу реки и бездельничал в ожидании, пока подтянутся остальные. Можно было бы и самому приступить к работе, да, боюсь, никто не оценит. Лежал я с полным комфортом, потому как беспокоился о сестре и припас плетённую из рафии циновку, которую и раскатал на сухом песке. От реки тянуло ночной прохладой, но это было даже приятно. Ведь скоро солнце поднимется выше и начнёт палить с небосвода, выжигая землю.

А сейчас я развлекался тем, что рисовал на небе воображаемые картины, которые создавал из разноцветных завихрений энергии. С каждым днём эта фантазия у меня получается всё лучше и лучше. Теперь даже летающие в вышине птицы не мешают, наоборот, я научился с их помощью делать свои картины более живыми. Это вообще не имеет отношения к Возвышению и поглощению энергии Неба, но неплохо успокаивает и настраивает на предстоящую кропотливую работу с телом.

Сверху раздался знакомый визг – Скирто появился. Пора начинать работать, пока он нас не заметил. Я с неохотой погладил по светлым волосам Лейлу, пригревшуюся у меня под боком и задремавшую, добирая самый сладкий утренний сон. Просыпайся, цветочек.

Первое время, примерно три или даже четыре тысячи вдохов, работа шла привычно, ничем не отличаясь от любого другого дня. Но стоило мне в очередной раз остановиться, как я в ошеломлении застыл, глядя на свои ладони без единого следа верёвочных ручек.

Эти два месяца, которые я провёл, представляя, как впитываю энергию на каждой ступеньке лестницы от реки к общинному огороду, принесли мне ощущение, что с каждым днём ведра становятся всё легче. Но я с недоверием отмахивался от любых мыслей о таком быстром росте уровня Возвышения, списывая всё на своё взросление и привычку к тяжёлому труду. Но вот, полив установленные себе как вехи три ряда уже почти выросших и готовых к сбору мясных корней, я по обыкновению остановился размять ладони, в которые обычно впадают до белых полос верёвочные ручки неподъёмных вёдер.

И не вижу ни единого следа, да и вообще не ощущаю ни усталости, ни ломоты в плечах. Хотя ещё вчера всё было как обычно. Были и затёкшие пальцы, и разламывающиеся плечи, и ноющая спина. Наконец я признал очевидное и глупо улыбнулся. Прорыв на звезду.

А затем меня сбил с ног пинок, утопив мою улыбку в песке.

– Почему ты отдыхаешь, отброс?! – В уши ворвался визгливый крик Скирто, а вопил он с наслаждением – видно, долго ожидал момента.

И я его не подвёл, хорошо подставился. Не зря ведь в очередь крысёныша всегда переводил дух вне его глаз. А он надрывался:

– Почему ты, здоровый лоб, стоишь, отдыхаешь, когда все работают?!

– Прости, Скирто... – выплюнув песок, забормотал я, не поднимая головы. – Руки свело.

– Что ж ты за неженка? Прямо как баба!

Скирто принялся пинать меня в сторону обрыва, а я не решался сопротивляться, потому что если моя догадка верна, то я сейчас так же силен, как крысёныш. Четвертая звезда Закалки. И нельзя дать ему это понять. Скирто захохотал:

– Катись-катись работать!

Неожиданно рядом раздался тонкий голосок, и между мной и Скирто выскочила Лейла, размахивая нашим полевичком, крохотным кувшинчиком, который мы использовали для питья, и выплеснула всю воду на крысёныша:

– Не бей его!

– О, соплячка! – удивился и даже, кажется, обрадовался Скирто. – Тебя ещё тут не хватало! Не влазь в разговор мужчин!

– Ты бьёшь его! – снова закричала Лейла, не обращая внимания на занёсшего руку Скирто.

Мне пришлось дёрнуть сестру к себе, чтобы он её не ударил. Боюсь, тогда я бы не смог сдержаться.

– Я тебе сказал не лезть, соплячка? Сказал. Ты лезешь к мужчине? Лезешь, – принялся погано ухмыляться Скирто своей крысиной мордочкой, опустив руку. – И сама не работаешь, и твой никчёмный брат не работает. Ещё и голос, сопля, повышаешь. На кого? Вы сегодня жрать не хотите? Мусор, что ты молчишь? Я тебя не узнаю. Ты решил спрятаться за юбкой или всё-таки прикусил свой поганный язык? Вот печаль!

– Всё, всё! – Я наконец смог стереть с лица счастливую улыбку и без опасения поднял голову от песка, прекратив оглядывать крысёныша исподлобья. – Сейчас мы с сестрой умоемся, заново наполним полевичок и будем работать дальше.

– А я разрешал вам уходить? – поразился Скирто и, расправив узкие плечи, задрал нос в небо. – Поглядите на него, люди! – картинно развёл он руками, обращаясь к замершим на грядках подросткам и мелкой ребятне. – Я только сделал ему замечание, что много отдыхает, как он решил вообще свалить проветриться к реке. Конечно, там сейчас прохладно!

– Хорошо. – Я тоже развёл руками. – Давай я отолю прямо на грядки.

– Ах ты, сучонок! – Скирто оскалил кривые желтоватые зубы, в этот момент как никогда напоминая крысу. – Самый умный, да? Иди отливай и можешь не возвращаться! Будешь вечером пустую воду хлебать.

– Умный? Нет, – насмешливо покачал я головой. Редко когда эта пронырливая сволочь так глупо подставляется, да и зря он на мелкую руку поднял. – Я здесь самый сильный. Я уйду, но останутся мои неполитые девять рядов. И их польёт... Их польёт, – я начал водить пальцем по свидетелям нашей стычки, а потом ткнул в подходящего, – следующий по возрасту после меня. Тукто!

– Скирто, сразу говорю, – тут же подал голос парень, на которого я указал, – иди в задницу! У меня и так уже руки отрываются. Девять рядов – это просто до хрена! Даже ряд сверху мне не нужен. И ты, Леград, иди в задницу со своим пальцем. Нечего в меня тыкать.

– Нет желающих? Что же тебе делать? Ах, прости-прости! – замахал я руками. – Ведь самый сильный здесь не я. Ведь здесь есть ты, четвёртая звезда!

– Тварь! – выдохнул взбешённый Скирто и шагнул ко мне.

– Ты просто сам польёшь их и честно получишь мою пайку, да?

Одновременно с новым шагом крысёныша я отступил, утягивая за собой сестру. Продолжать дальше я не буду. Хотя на языке многое вертится, но наш надсмотрщик и так уже на грани. Нужно знать меру.

– Отливай. Возвращайся. Поливай, – коротко выплюнул Скирто слова и, пнув песок так, чтобы он обсыпал нас с сестрой, повернулся спиной.

Я с глупой улыбкой потянул пищащую и тёршую глаза Лейлу к спуску. Да, в следующий раз Скирто оторвётся на мне за своё унижение, подсунув ведро с щелью или просто «случайно» сбив с ног, но это того стоило. Я два месяца вёл себя как пугливая мышь или квартик, терпеливо снося все унижения. Пусть это будет мне награда за первую самостоятельно взятую звезду.

– Лейла, хватит дуться! – Я шутливо брызнул в сестру водой.

– Ты сказал, что мне нужно в туалет, – ткнула она в меня пальцем и снова отвернулась.

– Не обманывай! – Я сгрёб её в охапку и обнял. – Я сказал, что тебе нужно умыться.

– Ненамного лучше. – Сестра сначала делала вид, что вырывается, а затем буквально влипла в меня, стараясь крепче прижаться.

– Родная, тебе уже почти шесть, а потому ты будешь всё чаще попадать работать со мной. Я часто ругаюсь с шайкой Виргла...

– Вначале ты тоже ругался? – перебила Лейла.

– Кхе-кхе... ладно. – Я решил быть проще с этой мелкой врединочкой. – Меня часто бьют. Не смей вмешиваться. Мы с мамой боимся, что станет хуже. Терпи и не смей никуда влезать. И бойся старших, которые запросто могут тебя ударить. Им ничего за это не будет. Ты поняла?

– Ты злой, – обвинила меня Лейла, не переставая обнимать.

– Ты поняла меня? – повторил я, приглаживая её макушку.

Несколько прядей вырвались из-под шнурка, что стягивал косичку на затылке. Вечно у меня убегают пушистые волосики, когда я её заплетаю.

– Поняла, – грустно вздохнула сестра.

– Раз поняла, то беги к своей тятке и не забудь про полевичок.

Я легонько хлопнул её по попе, на что она мне показала язык, и подхватил вёдра. Нужно проверить свою догадку и заодно порадовать Скирто ударной работой.

Следующие две тысячи вдохов, в течение которых я без отдыха таскал вёдра, ясно показали, что я действительно шагнул на следующую ступень Закалки. Я не ощущал тяжести вёдер, почти не уставал, а на руках так и не появились следы от переноски тяжестей. Внимательно оглядев отражение в реке, я решил, что новых мышц почти и незаметно, а значит, моя Закалка проходит идеально. Разрушая свой образ, зачерпнул воды ладонью и изобразил на старой джутовой рубашке следы пота, чтобы не давать Скирто повода для подозрений.

Ничего, крысёныш, пинай меня, пинай.

Если два месяца назад я мог только успокаивать себя надеждами, то сегодня знаю точно, что придёт день, когда я отомщу вашей шайке. А возможно, и убийце. Я за два месяца сделал то, на что у тебя, шавка Виргла, ушло три года. А может быть, я потратил даже меньше времени.

Месяц назад как-то само вышло так, что светящаяся пыльца стала сливаться в моём воображении в тонкие нити. И я ничего не мог с этим поделать, а потом и не захотел, потому что такой образ возникал в моей голове гораздо легче. Возможно, именно поэтому в наставлении и не описывалась точная картина поглощения энергии. Практик, начавший поглощать силу мира, сам ступает на верную дорогу. И, похоже, у каждого она своя. Теперь мне остаётся лишь идти по ней.

В подавленном настроении я снова сидел в своём тайном убежище и печально бросал камушки в воду, ставя точку в своих мыслях. Несколько дней я был счастлив от совершенного прорыва, от надежд на будущую месть. В душе предавался мечтаниям и строил планы. А затем снова обратил внимание на свои руки.

На ладонях кожа не стала толще, не превратилась в чешуйки или во что-то подобное. Даже старые мозоли остались на месте. Но, проведя несколько опытов всё с теми же вёдрами, я выяснил, что эффект сопротивления повреждениям был только на кистях. Если ладонь сопротивлялась даже ножу, который после сильного нажатия оставлял лишь царапину, то на других участках кожа была прежней, и попытка пронести вёдра на предплечьях, сцепив руки в замок, оставила глубокие следы.

От открывшихся перспектив захватило дух. Орикол болтал о техниках усиления тела, которые позволяли переносить удары меча и укусы зверей. Но это же были техники Воинов Развития Духа! Техники, которым обучаются если не годы, то многие месяцы! А я стал обладателем схожего эффекта после двух месяцев работы с меридианами. За четыре года можно значительно развить свою способность, получив силу Воина ещё на Закалке!

Я начал придумывать упражнения, с помощью которых можно закалить всё тело, как вдруг меня пронзила страшная мысль.

Что я делаю?! Чем я буду отличаться от Виргла, который старательно напрягает мышцы, обрастая ими всё больше и больше?

Вот теперь я сидел и переживал о том, что, похоже, сделал всего шаг в своём Возвышении и уже споткнулся о вторую преграду. Причём в наставлении по Закалке не было и намёка на такую уникальную проблему. Впрочем, кто будет описывать редкие случаи в наставлении для отбросов? Вероятно, есть миллионы практикующих, которые подняли нужный вес, но в итоге не прошли последующую проверку на артефакте, потому что развили не меридианы, а мышцы. А я, видимо, стану первым практикующим, который не сдаст экзамен, потому что развил не меридианы, а кожу. Я бросил очередной камушек: «Идиот! Отброс!»

А затем замер с поднятой для броска рукой.

Стоп-стоп-стоп.

Те, кто упёрся во вторую преграду, развивают мышцы, а не меридианы, и всё равно становятся сильнее. Сложно не стать сильнее, когда мышцы, напитанные энергией, вспухают буграми. Но если я развиваю сопротивление кожи и это действительно преграда, то за счёт чего я стал сильнее? И второй вопрос: а за счёт чего мама поднимает вес вшестеро больше своего собственного?

Если предположить... Да что значит «предположить»? По-другому и не выходит! Если развитые меридианы усиливают те мышцы и кости, которые уже есть у практикующего, на уровень своего Возвышения... Если они позволяют стать в несколько раз быстрее, а об этом прямо указано в наставлении, то почему они не могут усилить кожу? Ведь она у меня совсем не изменилась!

И если я прав, то мне смело можно закалывать всё тело, потому что никакой второй преграды у меня нет и в помине. Но кое-что нужно уточнить у мамы. Когда я недавно спрашивал, поднимала ли она тяжести в детстве, то до этих вопросов даже не додумался.

Вскочив на ноги и отправившись в деревню, я размышлял только об одном.

Поскорее бы вечер! Надеюсь, со шкурами время сегодня пролетит быстро.

И все равно едва дождался.

– С возвращением!

Я снова, как обычно, помог маме расстегнуть ремни переноски. Но на этот раз ещё и попробовал украдкой её приподнять. Почувствовав, как огромная, выше мамы, переноска, набитая лепёшками и камнями, шевельнулась от моих усилий, удовлетворённо улыбнулся.

Сидя спиной к шкуре-занавеске и не в силах больше терпеть, начал задавать вопросы:

– Мам? А сколько ты сдавала экзаменов?

– Начиная с четвёртой, сдавала на каждую звезду. В Арройо всех, кто сдал экзамен, досыта кормили, да ещё и мясо выдавали как награду. Ну, на первых двух звёздах. Да и потом... В общем, я всегда два раза в год ходила на экзамены.

– Два раза? – удивился я.

– Арройо – большой посёлок, главный в Чёрной пустыне. Я же говорила тебе, что у нас даже Воин постоянно живёт. Именно он и объезжает такие дыры, как эта, – со злостью в голосе закончила мама, как всегда, когда вспоминала, где мы сейчас обитаем.

– А сдавала с первого раза?

Я внимательно слушал маму, голос которой заглушали звуки льющейся воды.

– Нет, если честно. Никогда с первого раза не получалось. Лучший результат – со второго раза. Когда получала шестую звезду. Счастливые время...

– А мозоли у тебя бывают? – перебил я её.

– Кхе-кхе, – откашлялась мама. – Станные вопросы. Нет, я восьмая звезда и уже давно забыла, что такое мозоли.

– Ага... – Я даже подпрыгнул на скамье, услышав подтверждение своих домыслов. – А когда они исчезли?

– Не помню, – задумчиво протянула мама, выходя из-за шкуры и скручивая влажные волосы в пучок. – После экзамена на пятую звезду, когда меня взяли ученицей к Кривому Олу, я, наверное, ещё года два мучилась при работе со шкурами.

– Так, значит... – пробормотал я под нос, примеряя новые сведения к себе, но меня отвлекли.

– С чего такие вопросы, родной, что случилось? – Мама схватила меня за руки и начала внимательно осматривать мои ладони.

– Да так... – Я помялся, но под тревожным взглядом серых глаз сдался и, убедившись, что Лейла возится, наводя порядок в умывальном углу за шкурой, потыкал в руку подхваченным со стола ножом.

– Та-ак! – удивлённо протянула мама. – Я видела подобное, но там у охотника кожа была больше похожа на коросту. Говорят, съел какой-то алхимический ингредиент. И приятного в жизни с такими руками у него было мало. У тебя же... – Мама ещё раз провела тонкими пальцами по моей ладони. – Нормальная кожа, мягкая, ещё детская. Надеюсь, ты не ел никакую траву?

– Чего вы там шепчетесь? – К нам выскочила возмущённая Лейла, сверкая зелёную любопытных глазёнок.

– Я спрашиваю у Леграда, почему он забросил чтение, – строгим голосом ответила ей мама, а затем развернулась ко мне и ткнула пальцем в грудь: – А, родной? Почему я уже месяц вижу закладку на одном месте?

– Мама! – Я возмущённо застонал, ошеломлённый такой быстрой, а главное, неприятной для меня сменой темы. – Я почти весь день на работах, могу я хоть вечером немного отдохнуть?

– Ты, конечно, можешь отдохнуть. – Мама показала рукой на мой лежак, покрытый шкурами. – Лечь полежать, а потом, приехав в Арройо, разговаривать как дикарь, только вышедший из пустыни. – На эти слова я привычно закатил глаза, выражая своё отчаяние. – Не изображай небесную скорбь! Иначе я начну рассказывать, как мне пришлось тяжело в прошлом! Тебе осталось только три книги!

– А потом ты опять выменяешь новые у торговца. Знаем, проходили такое, – поморщился я. – Но ты права. Я постараюсь читать каждый день.

– Я тебя не узнаю, – подняла брови мама.

Лейла, уже начавшая раскладывать немудрёный ужин по простым красным толстым мискам, удивлённо посмотрела, не услышав моего обычного брюзжания.

– Не уверен, что мы вернёмся в Арройо. – Я демонстративно покрутил перед собой рукой. – Но выглядеть в чьих-то глазах косноязычным чужаком из Нулевого совсем не хочется.

– Ты опять не веришь, что твоя мама насобирает нам денег на караван! – возмущённо начала мама и вдруг замолчала. – Подожди, как странно ты построил фразу... Лейла, дочка, сходи в сарай, возьми из оплетённой хранушки три куска сладкого корня, ты сегодня у меня умница.

– Ух ты! Спасибо!

Сестрёнка с горящими глазами отбросила со своего пути циновку, исчезая за порогом. А мама перевела взгляд на меня:

– Ты намекаешь своей маме, что не ел никакой травы, а успешно впитываешь энергию Неба и твой успех в Возвышении всего за два месяца – не только странная кожа?

У мамы заблестели глаза от рождающихся слёз. А я молча подошёл к ней и, обняв, легко оторвал от пола.

– Римило, ты видишь это? – Мама смеялась, вытирая слёзы со щёк, и не сводила с меня глаз.

Глава 5

Отличное место для новой тренировки!

Я с удовольствием осмотрелся. Жаль, что находится оно далековато от деревни, — часто здесь бывать не получится. А ещё оно чуть дальше, чем безопасная зона вокруг нашего селения. Не почти голый песок, окружающий деревню, а тот огромный воображаемый круг, внутри которого все звери, что годятся в пищу, выбиты уже много лет назад. Ну, кроме мелких квыргалов, квартиков и песчаных крыс. Так же, как и выкопаны все небесные травы, впитавшие в себя энергию и получившие новые свойства.

А если здесь нечего есть, то и обычные хищники не забредут в поисках пропитания. А если нет трав, которые могут сделать их сильнее, то и те Звери, которые, как и люди, ступили на путь к Небу, не появятся. Но сегодня я почти в пятистах вдохах ходьбы от этой воображаемой границы. И все эти правила справедливы для сытого времени, а сейчас стоит самая жара, и вся трава в пустоши пожелтела и высохла. Шакал, да и кто покрупнее, может соблазниться добычей квыргала и войти в пески руин, которых обычно избегают. Поэтому стоит быть внимательным и осторожным. Не Чёрная гора, но все же.

Когда-то очень давно, если верить книгопечатникам Морозной Гряды — целых триста шестьдесят шесть лет назад, в этом месте стоял огромный мост, соединявший две части города Древних по оба берега реки. От города мало что осталось в день его гибели. А вот мост оказался немного крепче: он выстоял в солнечном пламени, залившем эту землю, и лишь годы спустя стал сдавать, разваливаясь на части. Но если обычные здания Древних, разрушаясь в наши дни, обычно превращались в мелкие обломки, то здесь всё было наоборот. Мост разломился на гигантские куски, и теперь, одетые в белопенные буруны, из воды торчали его чёрные останки.

За три месяца я перепробовал на себе массу странных и даже безумных вещей, приходивших в голову. Таскал вёдра на предплечьях и шее. Разумеется, только тогда, когда надсмотрщиками были Порто или Ларг, которым не было до меня дела. К тому же у них на глазах я вёл себя вполне обычно. Я обтирался песком дважды в день и первое время, когда выступала кровь, даже опасался, что занесу в ссадины какую-нибудь заразу. В своём тайном месте устроил постель из острых мелких камней и подолгу лежал на ней в те дни, когда отправлялся на поиски камней. Даже хлестал себя веткой пустынной колючки и тыкал шипами акации.

Но всего этого уже было мало: моё тело стало достаточно сильным, чтобы просто не замечать таких издевательств, переводя их в разряд мелких неудобств. Сейчас я с лёгкостью добыл бы цветы акации на радость Лейле, не получив при этом ни единой царапины. И сегодня пришёл на эти руины моста, чтобы испытать новый способ усиления тела.

Добрую тысячу вдохов я потратил на осмотр окрестностей и подготовку места для тренировки. Для этого я припас хорошую длинную верёвку, которую сумел добыть через Рата. После того похода за цветами отношения с ним наладились. Недавно я отдал ему три свои ухоронки с крупными камнями, а он, якобы для себя, потратил полученные рабочие доли на эту вот верёвку. В последнее время он вообще стал считаться в деревне удачливым камнедобытчиком. Но каждый раз, слыша похвалу в свою сторону, лишь кривился. Ему ли было не знать, что это моя слава.

Обычно те, кто поднялся выше четвёртой звезды, тут же освобождались от детских работ и получали место новика в охотничьих командах. То, что тот же силач Порто наблюдал за поливом огородов, объяснялось лишь одним — это был его день отдыха, когда он полдня работал на деревню, а затем был совершенно свободен.

Так вот. Я был совершенно уверен, что тоже достиг пятой ступени, но по-прежнему ходил на поиски камня. Со своей новой ловкостью и выносливостью я почти не тратил сил, обыски-

вая руины по берегам реки, легко поднимаясь на верхние этажи в такие места, куда не могли попасть остальные подростки.

Так что моей добычей стали огромные запасы камней, скопившиеся в развалинах за долгие годы, пока их поисками занимались дети. Именно из этой добычи я соорудил несколько тайных складов. Теперь раз в две недели обыскивал новые места в руинах, действительно высматривая камни для пополнения запасов, а в остальное время просто их тратил, всегда принося на мерные чаши немного меньше назначенной нормы.

А вот Рат часто приносил гораздо больше, потому что я вошёл во вкус и через него достал новую рубаху тонкой кожи взамен грубой джутовой, окончательно порванной при неудачном падении, флягу из тыквы-горлянки, которая всегда ждала меня в тайнике, вот эту верёвку, в конце-то концов.

Дошло до того, что Рат начал подозревать, что мне действительно известен какой-то необычайный секрет, например, способ разрушения уцелевших стен Древних. Он уже не верил в старое объяснение, что я просто удачливый и внимательный охотник, которому везёт именно на камни. Пришлось выдать байку, что однажды я нашёл чудесное место, где все стены рассыпались на годные камни, вот теперь и таскаю оттуда помаленьку. Но он по-прежнему сомневался.

Улыбнувшись воспоминаниям, я принялся крепить страховочную верёвку. Но меня кое-что отвлекло.

Я наклонился поближе к мелкому каменному крошеву на краю огромного монолита, разгреб кучку и вытащил на свет что-то, скорее похожее на гигантский шип пустынной акации, чем на каменный обломок.

Вот это находка!

Обломок по размеру ничуть не уступает отцовскому кинжалу! Похоже, я ошибался, считая, что мост развалился на огромные куски. Оглядев каждую грань, бросил найденный камень на стопку своей одежды – его я точно не буду сдавать. Хорошо, что этот шип дождался меня.

Я продвинулся по остаткам моста так далеко, как только сумел. Могу с уверенностью сказать, что до того как в поисках камней я облазил верхние этажи руин, пройдя непреднамеренную тренировку ловкости, мне бы не удалось добраться до этой расщелины. Её ширина такова, что даже мне, пятой звезде, перепрыгнуть её не удастся. А внизу, в провале этого каменного рта, висит одинокий зуб. Река, встречая на своём пути такое резкое сужение русла, разъярённо ускоряет свой бег и гневно ударяет в препятствие. И я позаимствую эту ярость для своей Закалки.

Последний прыжок – прыжок в провал – перенёс меня на верхушку зуба, а затем, немного поколебавшись, я скользнул в воду. Идеально! Я опасался, что придётся болтаться на верёвке, подобно наживке, но нет. Этот камень под водой напоминал ступенчатую пирамиду, и если сначала я оказался в воде по пояс, то шаг на вторую ступень погрузил меня ровно по шею.

Я с рычанием оперся спиной о камень и выплюнул захлестнувшую меня воду – это будет очень интересная тренировка.

Вода ударила, каждое мгновение изменяя направление, пытаюсь сорвать меня с выступа, опрокинуть, сломать новую преграду своему бегу. Стоило больших усилий не просто сопротивляться стихии, но и поддерживать в голове образ вливающейся в тело энергии. Но была и странная деталь. Казалось, синие нити, что появлялись в воде, светились немного ярче, чем те, что возникали в воздухе. Очень необычно.

Моя первая тренировка в воде продлилась недолго. Несмотря на то, что я хитрил, экономя силы и упираясь спиной в камень, мою силу и силу реки нельзя было и сравнивать. Не прошло и пятисот вдохов, как ноги начали дрожать и подламываться. И я решил остановиться, иначе это превратится в тренировку на выносливость. И принялся подниматься по верёвке.

Но, едва оказавшись на высоте роста над водой, рухнул вниз.
Какого дарса?!

Это единственное, что я успел подумать, прежде чем обрадованная река крепко приложила меня о тренировочный камень и вынесла из расщелины на простор. Пришлось спускаться по течению вдохов триста, прежде чем я заметил место, где можно было вылезти на берег. Выбравшись из воды, я оценил повреждения от удара и с досадой подумал, что предстоящая пробежка к развалинам моста обещает быть очень запоминающейся. Сотен пять вдохов придётся пробираться обратно, соблюдая ещё большую осторожность, чем обычно. Не хватало ещё, чтобы по деревне пошли слухи, будто «этот отброс одичал до того, что голышом бегаёт по пустоши».

К счастью, как я и ожидал, никто из охотников не завернул в прибрежные руины, и потому мой потрясающий забег так и остался тайной. А причиной падения, похоже, явилась моя неопытность. Верёвку просто перетёрло о край моста, который оказался острым, почти как нож. Наука на будущее.

Отмерив из тайника три четверти привычной нормы камней, а это по-прежнему двадцать мер, я, обессиленный, возвращался домой. Болела разбитая рука, саднил ободранный бок. Страшно представить, что со мной было бы, если бы не моё уже закалённое тренировками тело.

Ноги дрожали и с трудом несли меня по неровным зазубренным изломам чёрного города Древних. Так что я с облегчением вздохнул, когда закончились эти проклятые руины, и начался обычный белый песок с одинокими светлыми скалами и пучками высохшей травы. Когда же вдали показались деревенские постройки, даже взбодрился и попытался представить, чем могли быть сотни лет назад эти скалы вокруг. А затем меня снесло с ног, и земля словно врезалась в голову.

– Я думал, это огромный, разожравшийся в пустоши дарс, – раздался надо мной ненавистный голос, пока я со стоном выбирался из-под своего мешка. – Думал, сейчас я его завалю и пинками погоню в деревню. Похвастаюсь опытным охотникам необычным трофеем. Но я, кажется, ошибся. Или нет?

– С первого взгляда мне тоже показалось, что это дарс, молодой господин, – противно захихикал крысёныш, чей взвизгивающий голос я могу узнать даже в полной темноте. – Но вот сейчас, когда он слетел с копыт, знаете, что я заметил, господин?

– Расскажи нам, Скирто, – лениво, немного растягивая каждое слово, продолжил разыгрывать сцену Виргл.

Эта сцена, связанная с дарсом, у них всегда одна и та же. Кажется, сегодня мне предстоит испытание, которого я когда-то так боялся. Хватит ли у меня воли не сорваться? Пожалуй, полгода как я не попадал в такую историю. Вот только с тех пор как я, абсолютно беспомощный, терпел издевательства над собой, многое изменилось. Например, моё Возвышение.

– Мне кажется, у него нет копыт, молодой господин, – заржал как сумасшедший над своей тупой шуткой верный подхалим Скирто.

Я наконец перевернулся и смог оценить презрительную усмешку на лице юного вождя. Он высился надо мной, как младший брат той скалы, что торчала у него за спиной. Высокий, широко расставивший ноги в свободных штанах из кожи мечерога, с длинными мускулистыми руками, выставленными напоказ, в дорогой тонкотканой безрукавке со спиральным узором по вороту.

– Неужели? А в остальном?

– Да и в остальном, господин. Он слишком чистый и не воняет.

Теперь я огляделся по сторонам, пытаюсь понять, есть ли шанс выскочить из их круга. Похоже, для слабака, которого мне теперь нужно изображать, это невыполнимо. Пусть их и всего четверо.

– Странный дарс, – покачал головой Виргл, щуря чёрные глаза, будто смотря на солнце. – А ты что молчишь, Порто?

– Ты ошибся, господин. Это Леград.

Признаться, такого ответа я не ожидал и повернул голову к Порто.

– Я ошибся? – Виргл тоже неспешно обернулся к здоровяку и заложил большие пальцы рук за широкий ремень из кожи пересмешника.

– Да, господин, – спокойно кивнул Порто.

За этот ответ я был ему благодарен, хотя и не понимал причины его непокорства.

– Но ведь не дело мне ошибаться, иначе какой же я буду вождь? – вкрадчиво произнёс Виргл. – Не слышу?

– Нет, вождь! Вы всегда вождь! – загомонили все одновременно.

– Нет-нет! Не уговаривайте меня! Я ошибся! Как же быть?

Виргл обвёл взглядом подручных. Мне оставалось только продолжать следить за представлением – неожиданные слова Порто не выбили сына вождя из подавленной колеи.

– Вождь! Вождь! – запрыгал, повизгивая, Скирто. А меня начало потряхивать от его ужимок. – Я знаю, господин!

Виргл счастливо улыбнулся:

– Скажи нам, Скирто.

«Ему, похоже, доставляет удовольствие это подлизывание и именование», – презрительно подумал я, глядя на отвратительно топорщившиеся первые усики на его лице.

– Я думаю, нужно исправить этого неправильного дарса, – поднял палец вверх крысёныш, оглашая свою гениальную выдумку.

– Уроды! – злобно выплюнул я, не в силах продолжать безропотно сидеть и пытаться хоть так выплеснуть свою ненависть.

Скирто, словно только этого и ожидал, восторженно завопил:

– Молодой господин, он ещё и говорит!

– Это тоже неправильно. – Виргл покачал головой, изображая печаль, и снова перевёл взгляд на Порто: – Исправь это.

– Не могу, вождь, – развёл руками здоровяк. – У нас разрыв – три звезды. Я могу и убить его случайно.

– Хорошо, – процедил, зло сощутив глаза, сын вождя. – Убивать его и впрямь рановато. Но ты меня разочаровываешь, Порто, похоже, тебе нужны дополнительные тренировки... Тренировки со мной. Скирто!

– Да, вождь!

Крысёныш взвизгнул и, подскочив ко мне, принялся бить ногами.

А я, обхватив голову руками, мог только радоваться, что обувь у всех жителей деревни – из тонкой кожи ящериц. Будь на них тяжёлые сапоги, какие, по словам мамы, носят стражи в Арройо, боюсь, я бы серьёзно пострадал. А так ничего, терпимо. Больно, только когда удар приходится по отбитой руке. Хорошая все-таки идея была с закаливанием тела! Забывшись, я огрызнулся:

– Слабак!

Скотина Виргл, чьи ноги я видел буквально в шаге от себя, напомнил своему крысёнышу:

– Скирто, дарсы не разговаривают.

– Ага, щас! – пропыхтел крысёныш, пытаясь пробить защиту моих рук. Каким чудом он получил четыре звезды, если уже задыхается? – На! На!

– Отброс, ты, конечно, можешь продолжать извиваться на песке, но я уже устал, – сказал Виргл. – Убери руки и прими свою судьбу деревенского мусора. Прими удар самого слабого из нас. Иначе... Порто, может, и снова откажется, сегодня он, видимо, перегрелся на солнце,

но Шиго с радостью вмажет тебе вместо Скирто. И тогда ты действительно можешь умереть. Хочешь проверить, насколько ты удачлив?

А мне сегодня выпало двойное испытание.

Впрочем, кто тут отбросы, как не те, кто толпой унижает слабого? По-прежнему слабого перед Вирглом. Но разрыв уже гораздо меньше. Я за пять месяцев прошёл тот путь, на который они потратили годы. Ещё пара шагов, и я их обгоню. Я уже начал подниматься на ту гору, что уведёт меня из этой деревни, оставив здесь настоящий мусор. Всех их. И я опустил руки, принимая своё испытание и глядя в такие же серые, как у меня, глаза Скирто.

– Мусор! Вонючий отброс! Жирный дарс! – распалял себя все сильнее крысёныш, обрушивая удары на мою голову и лицо и превращая окружающую пустошь в водоворот цветных пятен, света и темноты.

Я уже не понимал, где кто находится, все вокруг словно расплылось.

– Довольно, а то сломаешь нашу игрушку, – наконец раздался весёлый голос Виргла. – Осталось вернуть этого дарса в грязь, из которой он выполз. Порто, вперёд! Или снова найдёшь причину?

– Нет, вождь, – без промедления донёсся ломающийся бас здоровяка.

И на меня тут же хлынули вонючие помои. Их отвратительный запах так остро ударил в голову, что меня вырвало.

– Вот это другое дело! – довольно заявил Виргл. – Мусор, ты меня слышишь? Последние пару месяцев ты бегаешь по деревне, задрав нос. Мне не нравится, что такой отброс, как ты, пропахший дерьмом джейров, не выполняющий норму, презираемый охотниками, ходит по нашей деревне так, словно она ему принадлежит. Я все-таки нашёл время это исправить. Скирто, я хочу видеть его лицо.

На меня обрушился ещё один удар, подбросивший меня в воздух. Виргл кивнул:

– Если я снова увижу, что ты поднимаешь глаза от земли, то ты будешь эту землю жрать. Мне нравится твой теперешний вид. Если я снова увижу тебя чистым в деревне, то опять окуну в помои. Дорогая выделанная кожа слишком хороша для тебя. Верни старую рубаху из джута. И не вздумай штопать одежду, мусор должен быть одет в рваньё. Запомни это. Ты понял меня, отброс? Не слышу!

Я еле выдавил сквозь разбитые губы, мешая слова с кровью:

– Понял.

И остался на песке один.

Глава 6

В этот вечер встреча с мамой вышла нерадостной. Одним быстрым слитным движением она не только сбросила с себя переноску, но и непонятно как расстегнула ремни.

– Что с твоим лицом?

– Разногласия с Вирглом по поводу моего внешнего вида. – Неожиданно лишившись ежевечернего ритуала помощи маме, я не знал, куда деть руки, даже разговор начался не так, как я себе представлял. Попробовал пошутить: – Твой сын слишком хорош для этой дыры.

– И это правда. – Мама осторожно коснулась моего лица прохладными пальцами. – Завтра я отправлюсь к Чёрной горе. Найду тебе свежую траву Восстановления тела.

– Не нужно, мама! – замахал я руками. – Оно и так слишком быстро заживает, мне придётся прятаться пару дней от глаз его шайки.

– Быстро заживает? – удивилась мама и, зайдя вслед за мной в дом, принялась внимательно разглядывать моё лицо при свете масляной лампы. – То есть вот это? Это уже зажило? – Её голос задрожал.

– Хорошо, все хорошо... – крепко обняв маму, принялся я её утешать. Рядом примостилась вновь зашмыгавшая носом Лейла, которая тоже была напугана, когда я вернулся домой. – Я немного поиграл на нервах у сына вождя, вот и одно к одному. Я теперь буду вести себя так, как он хочет. И это не повторится. Твой сын будет более терпелив, мама.

– И что он от тебя требует?

– Ничего нового. – Я усмехнулся. – Быть деревенским мусором. Не поднимать глаз, ходить грязным и оборванным. Каждый день радовать его своим видом.

– Прости сын, прости! – Мама сжала меня так, что я охнул, и она, опомнившись, ослабила объятия. – Моя вина перед тобой всё копится и копится. Я даже не беспокоюсь, как вы живёте без меня, бросила дом и дочь на твои плечи!

Мне было больно видеть её такой, в этом нет её вины.

– Мама, прекрати.

– Сын, прости свою мать! Но этот торгаш, – прошипела мама, – отлично знает мою нужду и даёт мне даже не четверть цены. Ещё два года! – Она схватила меня за плечи и отстранила от себя, вглядываясь глазами, полными боли. – Два долгих года я прошу тебя вытерпеть все испытания, что обрушит на тебя Небо. Только тогда я смогу спасти вас и вернуть в Арройо!

Я разозлился:

– Хватит!

– Мама, ты так говоришь, как будто на нас напали разбойники, – буркнула Лейла, недовольная тем, что лишилась материнской ласки.

– Ах, родная, ты почти угадала, – покачала головой мама и принялась её тискать. – Ничего, мама соберёт молодые травы и посадит свой личный маленький огорожок на южном краю Чёрной горы, там, где всегда солнышко. Через год я соберу отличный урожай, не меньше, чем у Кардо. Может, хоть его хватит, чтобы заткнуть жадную глотку торговца.

– Мама! – В волнении я почти кричал, схватив её за руки. – Но ведь скопление трав может привлечь Зверя! Одно дело – просто обыскивать эти проклятые развалины, хотя и это опасно! А другое – самой сделать всё, чтобы позвать тварей на обед!

– Всё будет хорошо, мама – опытная бродяга пустошей! Ты хоть раз слышал, чтобы охранники Кардо бились со Зверем? – попыталась меня успокоить мама своей набившей оскомину присказкой и привычной улыбкой.

– Хватит. Ты рассказывала про свою юность, и там ни разу не было ни слова про охотников, ты жила в посёлке. – Я был настроен решительно и потому применил нечестный приём: – Тебе хочется сгинуть в Чёрной горе и оставить нас один на один с Кардо?

– Это подло, сын! – охнула мама, а в её глазах засверкали искорки, превращая серое в сталь.

– Как иначе победить твоё упрямство с травами, наследством и деньгами? – Я твёрдо глядел ей в глаза, не поддаваясь на жалость и не страшась её гнева.

– Ты не понимаешь, как тяжело нам придётся на новом месте! – снова начала мама тот же рассказ, что я уже слышал.

– Я понимаю, как тяжело нам придётся без тебя!

Лейла только переводила взгляд с мамы на меня и обратно, не смея ни вмешиваться в нашу почти ссору, ни плакать.

– Прекрати ходить на гору!

– Нет! – Мама рубанула рукой воздух перед собой. – Я могу пообещать быть осторожнее, но пойми, без денег для нас ничего не изменится!

– Никакого огорода в тех проклятых туннелях! – поставил я условие.

– Хорошо, договорились, сын мой, – с облегчением вздохнула мама и поскорее сменила тему, тоже воспользовавшись своим любимым приёмом в спорах: – Вы вообще собираетесь кормить вашу маму?

За ужином мы усердно старались не возвращаться к минувшему разговору и улыбались, хотя мне это давалось с трудом. И всё же, когда я потушил светильник и уже засыпал, мне казалось, что мы определились, как будем жить дальше.

Вот только нас разбудил оглушительный вопль над ухом:

– Встаём! Поднимаемся! Все на площадь. Быстрее, быстрее!

– Пошёл вон из дома! – закричала мама.

Похоже, она швырнула что-то, а вернее, кого-то, в сторону двери, потому как раздался грохот, и циновка с входа слетела, сорванная тёмной фигурой. Лейла в испуге заплакала, и я кинулся к ней.

– Дарсова баба! – заорали с улицы. – Приказ вождя! Все на площадь! Быстрее! Или я опять войду и выволоку тебя!

– Это ты, Паурит? Твою гнилую отрыжку трудно не узнать. Воспользовался шансом пощупать? – насмешливо крикнула мама в темноту, заставив меня заскрипеть зубами.

– Не умничай! – с обидой отозвался тот же голос. – Я сказал – щас выволоку! И сделаю!

– Иди Миргло для начала выволоки, слабак! – продолжала насмехаться мама, пока я торопливо одевал впотьмах Лейлу.

– Не, мне она не по вкусу, – начал бахвалиться Паурит. – Я бабу люблю повернуть, а там скорее обходить нужно. Выходи и караван свой тащи. Или я вытащу.

– Если войдёшь в дом, я тебе ноги сломаю, – пообещала мама так сурово, что даже я ей поверил.

Паурит заткнулся, но новый голос насмешливо спросил:

– Вождю тоже?

Я замер, вслушиваясь. Кто это? Ракот? Правая рука главы деревни?

– Ждите, сейчас оденусь и выйдем, – помолчав, ответила мама и прошипела себе под нос: – Уже в открытую называет вождём, вонючий дарс!

– Да можешь и так выходить, а то я плохо в темноте рассмотрел! – радостно предложил Паурит.

И я поклялся, скрипя зубами от ненависти: «Я запомню твоё имя!»

Во всяком случае, нам не соврали, что сбор общий. Нас подняли одними из первых. Стоя на площадке, той самой, с пробежки через которую в дом Орикола начался мой путь Возвышения, в центре деревни, в лучах встававшего алого солнца, мы слышали крики со всех сторон, а между домами мелькали фигуры спешивших сельчан. Что же происходит?

– Дарсов выкормыш! Ди, я ведь столько раз говорила тебе быть осторожнее! – вдруг сердито прошептала мама.

Я оглянулся и увидел вышедшего на площадь дядю Ди. Даже в сероватом свете последних вдохов ночи было заметно, что он бледен, как побелка, а его загар выглядит как небрежно намазанная на лицо грязь. В чем он был неосторожен? Неужели мама понимает, что происходит?

– Ди, что у тебя? – негромко спросила мама, не глядя в его сторону.

– Мясо засолил, шесть тушек квыргала, – растерянно ответил дядя Ди, весь поникший, с опущенными плечами. – Удачно разрыл большой выводок.

– У-дач-но? – по слогам уточнила мама и припечатала: – Жадный дурак!

– Что делать, Эри?! Что мне делать?!

На дядю Ди было больно смотреть, он, кажется, даже дрожал мелкой дрожью.

– Молиться какому-нибудь богу, чтобы ты оказался не один такой идиот в деревне, – шёпотом съязвила мама. – Тогда наказание будет меньше.

– Что же делать, что делать?! – Дядя Ди был похож на какую-нибудь молодуху, сжёгшую ужин и теперь причитающую над угольками в ожидании мужа с тумаками.

– Ди, хватит трястись! Ты мужчина или нет? – возмутилась мама, подняв наконец на него взгляд. – Ралио, дай ему пощёчину, чтобы был не такой бледный, я боюсь не сдержать руку и что-нибудь сломать твоему мужу.

– Эри! – вскинулся дядя Ди, а его жена только покачала головой и вздохнула.

– Что «Эри»? – Мама тоже покачала головой, но, в отличие от Ралио, со злостью, а не с сожалением. – Я тебе говорила не оставлять следов?

– Да, Эри, – удручённо подтвердил дядя Ди.

Рат только кусал губы, глядя на отца, который сам на себя был не похож.

– Теперь говорю: отходите от нас и поменьше показывайте, что продолжаете с нами общаться. Пожалуй, даже неплохо, что у тебя оказалось столько мяса, – задумчиво проговорила мама.

– Это ещё почему? – совсем растерялся дядя Ди.

Мама без улыбки внимательно оглядела его:

– Больше шансов, что поверят, будто ты перестал помогать нам.

– Эри, прости! – Дядя Ди резко покраснел. – Я помню, кому обязан жизнью!

– Потом поговорим, отходите. – И мама отвернулась от их семьи, обрывая разговор.

На площади перестали появляться новые лица, видимо, согнали всех. И только теперь вышел Кардо. Огромный, больше похожий на буйвола, истории про которого мне рассказывал отец. Охотники редко ими промышляют, предпочитая добычу помельче. И на то есть причина. Буйвола почти нельзя взять в стрелы, нужно подходить с копьём. Но не за эту сложность его не любят трогать. А за ум и мстительность. Если ты не убьёшь буйвола, а лишь ранишь, то будь уверен – он будет следить за тобой и нападёт сам.

Есть байка, что однажды он пришёл за охотником в дом и убил его ночью в постели. На буйвола охотятся, только если уверены, что убьют здесь и сейчас, не дав убежать. Если лев или пересмешник не смогли убить буйвола, то меняют место охоты, предпочитая на несколько недель скрыться с его глаз.

Боюсь, Кардо похож на него не только снаружи. По виду он вообще не выглядит главой деревни. Как всегда, одет в простую одежду из выделанной тонкой кожи и зарос чёрной, давно не стриженной бородой, как какой-нибудь охотник-бобыль. Борода его чуть темнее тёмно-коричневых длинных волос, обычно свободно свисавших, но сегодня перехваченных лентой на затылке.

Кардо оглядел разбившихся на кучки жителей и вскинул руку, привлекая внимание. Но рта раскрыть не успел.

Раздался дикий крик:

– Какого дарса! Ты кто такой, сектантская отрыжка?! Пошёл вон отсюда!

Обернувшись, я увидел, как из дома Орикола буквально вылетело чьё-то тело. Правда, без крыльев полет закончился в десяти шагах от двери, лишившейся циновки. Выскочивший следом хозяин дома огляделся и снова заорал:

– Кардо, блевотина старая, это как понимать?!

– Спокойно, Орикол, произошло недоразумение. – Наш глава скривился так, будто жевал протухший билтонг. – Тебя не должны были трогать. Мой человек проявил излишнюю прыть.

– И, по-твоему, я должен радостно попрыгать, услышав это, развернуться и уйти? – спокойно спросил бывший Воин, резко меняя тон.

– Чего ты хочешь? – оглянувшись на жителей, осведомился Кардо.

– Наказания. Они у тебя совсем обнаглели от безнаказанности. – Орикол покачал пальцем, будто ругая малыша. – Я чувю, недалёк тот день, когда они начнут сильничать баб по закоулкам.

– Орикол! – натужно рассмеялся Кардо. – Что за ерунду ты несёшь? Мы все жители одной деревни.

– Да-да, – спокойно покивал бывший Воин и продолжил, не сдерживая голоса: – В какой-то, затем сгоревшей, деревне я уже слышал подобные речи. Говорят, дом главы полыхнул первым.

– Хватит! – раздражённо рыкнул Кардо. – Я извиняюсь перед тобой! – И, шагнув к уже поднявшемуся на четвереньки охотнику, виновнику произошедшего, схватил его за грудки и от всего сердца приложил несколько раз кулаком по лицу. Отшвырнул обмякшее тело. – Достаточно?

– Хм... – задумался Орикол, оглядывая небо с разгоравшейся алой зарей. – Такая рань, а мне уже не уснуть. Ещё раз.

– Скройся с моих глаз, недоносок! – Кардо с силой впечатал ногу в задницу провинившегося Ма, снова отправляя его в полет.

Жаль, это не Паурит. Но тот не настолько тупой, чтобы считать Орикола равным остальным жителям деревни и пытаться силой вытащить его из дома.

Орикол удовлетворённо хмыкнул и, растирая помятое со сна лицо с длинной щетиной, спросил:

– Итак, что привело вас всех на площадь?

Отвернувшись от учителя и игнорируя его вопрос, Кардо обвёл нас рукой:

– Жители деревни! Волею Неба и богов наши предки оказались здесь, в центре нашей страны! Да, это скудное и суровое место. Но нам, хвала Небесам, удаётся достойно жить и растить наших детей даже в этих песках, смешанных с прахом Древних. В чём же сила нашей деревни? В нашем единстве! В том, что мы трудимся и работаем сообща, плечом к плечу встречая все невзгоды! Так было раньше...

Глава деревни огладил бороду, прошелся взглядом по лицам слушателей, а затем тяжело вздохнул:

– Каждый день мне, главе нашей деревни, с болью приходится смотреть, как вы всё меньше думаете о своих товарищах и всё больше – о самих себе. Мы становимся всё слабее, наши склады пустеют, а караваны брезгают заходить к нам. Я не могу больше этого терпеть, иначе, видит Небо, наша деревня просто исчезнет в песках, как тысячи деревень до неё. Сегодня я проверю, все ли жители исполняют мои наказы и не прикарманивают ли наши общие скудные ресурсы, отбирая их у наших детей. Стража, вперёд!

– Какая «стража», самодовольная отрывка? – тихо прошипела мама. – Она позволена только пятизвёздочным селениям!

– Разойдись! Ты – сюда! – Приближённые Кардо принялись разгонять нас по краям площадки, выстраивая, как на сдаче экзамена, когда нужно, чтобы было видно всем и было видно всех. – Вы, трое, – на эту сторону!

А затем мы молча наблюдали, как Ракот, Паурит и старик Газил обходят дома и тщательно обыскивают каждый, выкладывая перед хозяевами то, что посчитали лишним или спрятанным. Людей, которые выглядели даже хуже, чем дядя Ди, становилось все больше. А я воочию видел то, о чём давно говорила мама.

Все жители деревни утаивали. Утаивали многое. Ах, совсем не потому, что мы бедны, перестали заходить к нам караваны! Если бы бродячие торговцы знали о личных запасах наших селян, то давно слетелись бы, как грифы на падаль. Меня огорчало, что деревня голодает. А перед толпой собравшихся появлялось разнообразное мясо, кучи шкур, зубов, рогов и копыт. Кое-кто и вовсе мог похвастаться целой горой дорогих вещей, которые можно было купить только у торговцев.

Я с радостью увидел трясущегося Скирто: перед ним и его матерью отец Порто, Ракот, выкладывал травы. Огромный мешок трав. Верный подхалим Виргла обеспечил своей матери отличное местечко надсмотрщицы за сборщиками травы на Чёрной горе. Видимо, она решила, что ей этого мало, а Ракот не собирался её покрывать. А вот перед матерью Шиго пусто, хотя она почти в такой же ситуации, только её место оплачено не сыном, а смертью мужа несколько лет назад.

Вообще, дядя Ди зря так боялся. С моего места видно, что мяса перед ним, пожалуй, меньше, чем у всех остальных, а шкур и прочего и вовсе нет. Это у второго-то, как бы его ни принижал Кардо, охотника деревни! Всё же советы мамы об осторожности ему изрядно помогли в этой беде.

Но едва я растянул губы в усмешке, как сердце пропустило удар.

К нашим ногам упала шкура, а на неё лёг какой-то невзрачный полусохший кустик. Перед нами стоял Паурит. Сейчас я отчётливо видел гадкую ухмылку на его лице, жирно блестящую бородку с застрявшими крошками, давно не мытые жидкие волосёнки, торчавшие во все стороны. А главное, маленькие чёрные глазки, которые просто горели какой-то непонятной мне эмоцией.

Мама выдохнула едва слышно:

– Тварь.

– Тихо, тихо! – Паурит сделал невозможное – его ухмылка стала ещё гаже, меня от неё буквально выворачивало, он тоже почти шептал. – В следующий раз будешь понежнее, а то мужик к ней с лаской, а она его кулаком, стерва. Ты, баба, будь помягче, и жизнь твоя будет проще. А то отвыкла, отвыкла-то уже от мужика!

Паурит, тысячу вдохов назад я клялся, что не забуду твоё имя! Оно мне не нужно. Видит Небо, нам двоим тесно под ним. Ты умрёшь, иначе ненависть разорвёт моё сердце. Мне нет дела до твоих звёзд, как и до того, что ты взрослый, опытный охотник. Ты привык бояться Зверей, которые ищут силу. А нужно будет бояться меня. Я ведь тоже её ищу.

Я вытащил из мешочка камень и, до боли сжав его в кулаке, заставил себя опустить глаза в песок, чтобы он не увидел в них мою ненависть и свою смерть.

Клянусь, ты умрёшь и бесследно пропадёшь в песках, а твоё имя исчезнет под этим небом.

Дальнейшее проходило мимо меня. Я плохо слышал, что там вещает наш самопровозглашённый вождь. Что-то об ответственности и наказании. Но потом он от слов перешёл к делу. Определялся виновный в семье, и Кардо назначал ему плети. Этого я пропустить не смог.

Маме он назначил пять плетей. Столько же, сколько и Кари за полный мешок трав. Люди на площади кричали, умоляли. Но мама лишь гордо молчала и не пыталась даже упомянуть о том, что траву ей подкинули. Молчал и я, лишь что-то кричала Лейла, но её схватила и прижала к себе Ралио, чем заслужила мою благодарность. Сам я не был способен сейчас позаботиться о сестре.

Я сжимал кулаки и глядел, как тощий Котил снимает с пояса плеть. Он, погонщик нашего маленького стада домашних джейров, единственный в деревне носил её и единственный умел ею работать. И нет. Ему я мстить не буду. Мне хорошо видны его трясущиеся руки и пот, заливающий выбритое с вечера лицо. Для него должность палача и есть наказание, даже более тяжкое, чем для его жертв. Мне не за что его винить.

За отсутствие силы восстать против произвола так называемого вождя? Силы нет ни у кого в деревне. В том числе и у меня. Ненавидеть всех? Я и так ненавижу всех этих мужчин, которые опускают глаза или бледнеют, как дядя Ди. Всех их, неспособных даже словом возмутиться тем произволом, что сейчас творится на площади. Я ненавижу и себя за то, что не могу защитить любимого человека.

– Леград! – окликнули меня сзади, но стоило мне повернуться и увидеть Шиго, как тот ударом в лицо сбил меня с ног, а затем наступил на голову, вдавливая её в песок. – Молодой господин велел напомнить, чтобы ты не поднимал глаз от земли. Запомни желание господина, отброс!

Унижения нашей семьи в это утро не знали конца. На наказание матери мне пришлось смотреть, лёжа на песке, окрашивая его кровью из раны на руке. Шиго не поднял ногу с моей головы, пока не просвистел последний удар.

Глава 7

Солнце жарит просто немилосердно – середина сухого сезона, а в этих руинах негде спрятаться, пока оно стоит так высоко. Разве что лечь навзничь в совсем короткую тень у стены. Обычно жители деревни не носят головных уборов, разве что некоторые охотники, уходя далеко в пустоши, иногда обматывают лицо платком от пыли. Но те же караванщики покрывают схожим, но более длинным платком не только лицо, но и голову. А жители других селений, я видел, даже носят особые шляпы из рафии.

Пожалуй, мне тоже нужно подумать о платке или шляпе. Возможно, дело привычки, но я просто чувствую, как мозги варятся на солнцепёке, скоро закипят и выплеснутся через уши. Может быть, Тукто легче переносит этот палящий зной, но с моим темным волосом это настоящее испытание. А ведь у дяди Ди волосы вообще чёрные!

– Эй, Тукто! – окликнул я появившегося наконец внизу пацана.

Тот было закрутил светлой, почти белой, как у всех в его семье, головой, но всё же сумел заметить меня. В восхищении присвистнул:

– Вот это ты забрался!

– К делу, – кратко сказал я, в последний раз оглядываясь над выступом стены на виднеющуюся вдаль деревню. Никого нет в этих раскалённых руинах. И это отлично.

– Как скажешь, Леград, вот корни, – парень бросил себе под ноги сначала большой, затем маленький мешочек, – вот красная сыромять. Твоя очередь.

– Хорошо. – Я показал пальцем, чтобы он не ошибся: – Обернись влево. Видишь второй этаж, треугольное окно?

– Вижу, – кивнул Тукто, бросив короткий взгляд на нужное окно, и снова повернулся ко мне.

– Тебе туда. – Я снова ткнул пальцем. – Лезь.

– Я надеюсь, ты не задумал такую глупость, как обман?

Тукто недоверчиво нахмурился, пытаясь сделать во мне дырку взглядом голубых глаз. Они сейчас особенно выделяются на тёмном загорелом лице, покрытом пылью. Сам я наверняка выгляжу не лучше, разве что глаза серые, как у мамы.

Слишком он разговорчивый стал, с утра таких вопросов не было.

– Нет, лезь давай, – буркнул я, начиная спускаться.

За последний месяц, минувший со дня экзекуции, я осознал, что такое по-настоящему голодать. Не стоит и вспоминать моё старое нитьё о житье впроголодь. Только теперь я понял, что такое хотеть жрать. Постоянно, с самого утра и до ночи, когда ворочаешься на шкурах, пытаюсь уснуть под сосущее чувство голода в животе. О подкормке от дяди Ди тоже пришлось забыть – только паёк от деревни за общинные работы. Но, даже выполнив две нормы на огородах, я получал едва ли половину старой порции мясного корня или, что вообще выглядело насмешкой, тыквы.

Тыквы! Это же почти трава, годная лишь для того, чтобы, набив живот, заглушить голод. Её неплохо добавлять в мясную похлёбку. Но получить от пустой тыквенной болтушки силы на целый рабочий день или для роста? Где же взять хотя бы сладкое зерно или семена драконьей травы? То же самое касалось и мамы. Лейла так и вовсе, если это была смена Скирто или Шиго, оставалась без еды. Они легко придумывали, за что лишить пайки мелкую девчонку, которую уже шатало ветром.

Вчера я подсмотрел, как мама сдавала с утра лепёшки и ругалась с Кари и Ракотом. Снова тыква. Мне показалось, что ещё слово, и она кинется на них и примется бить. Судя по тому, как подался назад Ракот, так показалось не только мне.

Нужно было как-то выкручиваться. От отчаяния я был готов взяться за ловлю мелких ящериц и кузнечиков, которые в избытке сновали вокруг деревни. Останавливало только воспоминание о рассказах отца. Это бесполезно, потому что на ловлю такой скудной добычи сил уходит больше, чем получишь, когда её съешь. Кроме как взяться за поиск настоящего мяса, в голову ничего не приходило.

Я опасался, что Виргл надумает снять меня с камня, но, похоже, само Небо приглядывало за мной. Наоборот, меня вообще перестали ставить на другие работы. Отменили помощь кожевнику, складу, пастуху, я забыл, что такое просушка трав и дерьма джейров, вылавливание скудных рыбёшек, которые были настолько глупы, что рискнули появиться в нашей реке, я не подметал площадь и не толлок мел, не полировал рога, не мазал глиной стены и не поправлял крыши. Мне не поручали ни одной из десятков работ по деревне. Меня не брали в походы на пустошь за камышом, рогозом или драконьей травой. Только ведра и камень.

Возможно, Виргл хотел вымотать меня одиночеством и тяжёлой работой. Но я уже был в состоянии полить весь огород сам и не устать. Если, конечно, накануне хоть что-то ел. И у меня была семья. Мой нежный светлый цветочек Лейла. Так что назначение: «На камень!» – я воспринимал как подарок. И учинял допрос Рату, когда попадал вместе с ним на работы, – он многое знал о своей мечте. Я вспоминал все истории, которые слышал от отца и дяди Ди. Донимал разговорами обессиленную маму.

И всё это в поисках крупниц знаний о пустоши и об охоте. Увидеть самого дядю Ди было почти невозможно. Никто из охотников, получивших плетей, больше не оставался в одиночестве. Они группой, в которой обязательно было доверенное лицо Кардо, с утра уходили в пустыню. Группой они возвращались ближе к темноте. В ближайшие месяцы никто не пронесёт в деревню неучтённый кусок мяса. Так что занять наставника мне не суждено.

Следующим этапом моего плана стало создание оружия. Тут очень пригодился тот шип, который я обнаружил у моста. Да, он каменный и им нельзя резать, ведь у него нет острых боковых граней. Но зато он прочнее, чем любой железный охотничий нож, и его кончик сужался до невероятной игольной остроты. Эта длинная каменная игла словно была создана для того, чтобы превратиться в моё первое боевое оружие.

Так я пришёл к сделке с Тукто. Если Ракота я ненавидел лишь чуть меньше, чем Кардо, Паурита, Виргла, Скирто и Шиго, то к Порто я был равнодушен. Да, я помнил помои, но помнил и его отказ называть меня дарсом и на равных с остальными членами шайки участвовать в забаве. А с его братом тем более легко иметь дело. Он чувствовал за спиной поддержку старшего и был нагловат в разговорах со взрослыми. Но никогда не использовал имя брата, не обижал мелких и не задирал нос. Поэтому я лелеял надежду, что, будучи связан со мной общим делом, он не выдаст меня из-за пустяка. Сегодня была первая, достаточно безобидная проверка.

Я хотел чуть подкормить сестру с мамой и достать ремни для рукояти своего будущего оружия. Я не верил, что верный друг детства Кардо живёт впроголодь, как остальные селяне. И знал, что Тукто достаточно красноречив, чтобы заболтать дурака Ма, и достаточно умен, чтобы не лезть к жадному Газилу, о чем я прямо ему и сказал. Осталось придумать, чем купить его помощь. Вряд ли здесь подошёл бы камень, как для Рата. К счастью, на верхних необследованных этажах руин я находил не только их.

На вершине Чёрной горы выют гнезда огромные хищные птицы. Добыть такую считается в нашей деревне большой удачей. У неё даже имя есть, пусть совсем простое, Раух, а не привычное для пустыни Дробитель Костей, Красный Иглистый Волк и прочее, как обычно именуют зверей, добравшихся до силы. Раух заслужил свое имя за то, что кости его по прочности превосходят любой простой металл, хотя он даже не Зверь, идущий к Небу, и тем более не Монстр. Эти кости полностью уходят в дело, превращаясь в инструмент и оружие. Говорят, они так прочны потому, что Раух питается обломками руин Древних. И в доказательство своих

слов уверяют, что в желудках добытых птиц были целые пригоршни мелких камней. На этих птиц устраивают засады, подкладывая приманку. Никто и никогда не находил просто мёртвого Рауха. Я стал первым.

Не знаю, что с ним случилось, – настигла старость, враг или неожиданная болезнь. Важно то, что умер этот Раух не там, где лежат кости его мёртвых соплеменников, а на самой вершине одинокой руины, что торчит, как палец, направленный в небо, в пяти тысячах вдохов от деревни вниз по течению. Он лежал там на солнце долгие годы, оставив после себя только костяк, обтянутый кое-где клочками кожи. И ждал меня.

Иногда, задумываясь о жизни, я начинаю видеть вокруг себя испытания и награды Неба. Возможно, мне нужно меньше читать трактаты мудрецов, которые в былые времена торговцы рады были всучить маме за полновесное серебро. Возможно. Но эти кости никто не мог найти, кроме меня – достаточно сильного, чтобы забраться по отвесной стене на такую высоту, достаточно ловкого, чтобы пройти по узкому гребню, и при этом ещё совсем неширокого в плечах, чтобы протиснуться в лаз, ведущий на последнюю площадку. Поневоле начинаешь задумываться о странностях.

Именно эти кости, восторженно вопя, пытался сломать Тукто, пока я торопливо пережёвывал корень и проверял содержимое малого мешочка. То, что нужно. Куски обработанной сыромятной кожи красной антилопы. Всевозможных размеров. Сложно точно понять, для чего она. Мне достаточно соврать о замене шнуровки на мокасынах, починке креплений циновок и прочего. Мало ли для чего в хозяйстве пригодится кожа?

– Э-гей! – Передо мной свалился костяк птицы. Впрочем, как-то так и я его спускал с Пальца, экономя силы. – Отличная сделка! Он гораздо больше, чем я ожидал. Не жалеешь, что продешевил? Столько костей – за такую мелочь?

– Ничуть, главное, чтобы Виргл не узнал, больше я ни о чем жалеть не буду, – вновь высказал я то же самое, что и утром. Лучше на первой сделке узнать, что он не держит язык за зубами. Возможно, в будущем мне понадобятся более серьёзные вещи. – Он обрадуется поводу повалить меня в песок.

– Да... – посмурнел Тукто, резко перестав веселиться. – Боюсь, если бы не брат, мне бы тоже пришлось худо.

– И отец, – напомнил я, с интересом глядя на него. К чему он ведёт?

– Да, и отец... – Тукто помялся и продолжил: – Мне жаль, что так вышло с твоей матерью.

– Ты о чем? – отмахнулся я от его сочувствия. – Многих наказали в тот день.

– Я видел, что Паурит ничего не вынес из вашего дома.

– Что?! И ты... – И тут я замолчал, внезапно осознав в деталях то, что произошло, и то, что он видел.

Это было как вспышка – мгновенное озарение.

Наш дом крайний, правильнее было бы начать осмотр с него, но Паурит медлил. Они уже обошли половину деревенских домов, когда он принялся за наш. Чего он ждал? Он ждал удобного случая, когда у кого-нибудь найдут то, что можно легко подкинуть другому человеку. Изначально Паурит, возможно, и не планировал ничего такого. Но мама изрядно задела его гордость, дав ему по рукам. А что происходило перед моими глазами?

Ракот принёс травы Кари. Огромную кучу трав, из которых незаметно нужно взять всего один кустик. И Тукто видел не только пустые руки Паурита, но и то, у кого он взял эту проклятую траву. Могу ли я требовать, чтобы этот пацан обвинял своего отца перед всей деревней? Чудо, что он вообще сожалеет о случившемся и заговорил об этом. Все же они с братом не в отца, хотя внешне – вылитый он. Я глядел в голубые, как у Ракота, глаза. Избить его за унижение матери? Он-то здесь при чем? Уронить своё достоинство и стать похожим на Виргла? Никогда!

– Я понял, Тукто, я понял. Ты хороший парень. Мне тоже жаль, – перебил я его ничего не значившими фразами, когда он открыл рот, чтобы что-то сказать. А затем ритуально закончил разговор. Будто один из нас – странствующий торговец, подводящий итог торгу. Я не хотел сейчас беседовать, мне нужно было побыть одному. – Хорошая мена!

– Хорошая мена, – согласился пацан, не отводя от меня грустных, выцветших в едва уловимую синь, глаз.

Я уходил не оглядываясь. Мне почему-то казалось, что он так и стоит на месте, смотря мне в спину. Наверное, тяжело видеть, как твой отец совершает явную подлость. Мне кажется, Тукто никогда не будет считаться приближенным нового вождя. И, конечно, не проболтается о нашей сделке. Мне нечего сейчас ему сказать. Я не хочу кричать о несбыточной справедливости и ронять пустые слова. Никто за нас не заступится.

Я выбрал для себя путь силы и Возвышения, чтобы вырваться из этой пустоши. А перед этим отомстить за нанесённые обиды. Через год Тукто начнёт свой путь Возвышения. Я могу только дать ему пару советов чуть позже, чтобы повысить его шансы и отплатить за правду и неподдельное сочувствие в голубых глазах, в которых нет холодного презрения его отца. Ведь мой талант оказался совсем неплох, как и выбранный путь Возвышения. Путь, на котором, как выяснилось, есть не только три Преграды.

С тех пор как я увидел беспричинное унижение мамы, стало труднее заниматься развитием меридианов. Наверное, во мне слишком много ненависти. Странно. Я всегда считал, что очень отходчив и легко забываю обиды. Даже получая тумачи от Виргла, я кипел гневом день-два, а затем мне уже было сложно вызвать в себе такие же яркие чувства, как в момент унижения. Я затухал, словно фитиль без масла. Но теперь всё иначе.

Даже в тысячный раз, поднимаясь с вёдрами и привычно представляя, как в меня втягиваются синие нити, и меридианы ярко пульсируют в такт ударам сердца, я вдруг ловил себя на том, что не помню, как из головы исчезли эти образы. А вместо них раздаётся свист плети и снова болит щека от песка. Так было раньше.

Но сегодня я понял, что моя ненависть... нет, не утихает, а преобразуется во что-то другое, даже более сильное, яркое. Мои воспоминания, пропитанные ненавистью ко всей деревне и отдельным людям, словно сжимались в острый клинок, направленный сейчас лишь на одно лицо. Я бы назвал это предвкушением крови. И оно совсем не мешало моему Возвышению, а словно подталкивало его.

«Паурит, ты бы видел, какой отличный кинжал я собираюсь сделать!» – разговаривал я сам с собой, преисполненный радости и ярости. Мой отец был хорошим кузнецом. Пусть я молокосос, который ничему не успел научиться, но тут невелика работа. От отца остались рецепты и инструменты, но они без практики и учителя почти бесполезны. Почти. Даже простое чтение поведало мне о видах кинжалов, мечей и копий. В своем воображении я вижу, во что может превратиться эта каменная игла. В отличный четырёхгранный кинжал рондель.

Я стащил у тощего Котила из пристройки у загона два хороших обрезка копыт. Что подделывать, видимо, родители отца в чем-то правы – я сын своей матери. И теперь терпеливо, по чуть-чуть, делал в них отверстия. В итоге дыра в заготовке намершия кинжала получилась слегка великоватой, но это не страшно.

Насадив роговые пластины на каменную иглу, я плотно обмотал рукоять между ними тонким ремешком, а после добавил куски потолще на тупой конец, чтобы зафиксировать намершие, и под эфес. Теперь полдня на солнце – и высохшая кожа зажмёт копыта намертво. С сомнением оглядел свою кривую поделку: кинжал совсем не похож на тот идеал, что горел в моем воображении, но забрать жизнь у Паурита он сумеет.

«Подожди-подожди», – осадил я сам себя. Ведь всё начиналось с желания самостоятельно добыть мясо. Как за минувшие два дня это незаметно для меня превратилось в кинжал для Пау-

рита? Странные и пугающие ощущения. Будто моя жажда крови обрела жизнь и стала существовать отдельно, влияя на поступки.

Решительно тряхнув головой, я снова принялся рассуждать.

Пусть так. Одно другому не мешает. Чтобы самому добыть какую-нибудь юркую ящерицу или квыргала, нужно внимательно проследить, куда уходят команды деревенских охотников, и пойти в другую сторону. Хорошо, что теперь нет одиночек, которые бродят туда-сюда и тоже вылавливают мелочь в ближайшей округе. Только команды, только дальние походы на крупных животных.

Джейры по-прежнему под запретом, коз я вряд ли найду, поэтому беда поджидает их старших родственников. Я с любовью потрогал рукоять кинжала. Ведь с них можно получить не только мясо, но и ценные рога, копыта и шкуры. Охотники сейчас добывают голубую и красную антилопу, мечерога и большого бородача.

И не только. Не только.

Ведь жадность Кардо так велика, а все так напуганы, что охотники уже два раза ходили на ночного пересмешника. Стайный хищник с вонючим мясом, но очень ценной шкурой, когтями, зубами и сердцем. Эти охотники – глупцы, ищущие смерти. Ведь именно среди хищников чаще всего встречаются Звери. Те, кто встал на путь Возвышения, схожий с человеческим. Но это неважно, это их выбор.

А важно то, что если Паурит окажется в команде охотников на пересмешника, то у меня будут все шансы осуществить свою месть. То, что я слышал вечером у костров, где обрабатывали шкуры, вселяет надежду.

Виргл, надеюсь, ты решишь сгноить меня на камнях.

Я взвесил в руке мешок с мясным корнем. Пожалуй, ближайшую неделю я даже половину нормы не буду сдавать, порадуя своего главного врага, пусть думает, что его план сработал. Ведь он и знать и не знает, что теперь планы вынашиваю я.

Глава 8

Жирные дарсы! Как так выстроились звёзды на небе, что вы сейчас все собрались здесь, а не занимаетесь своими делами? Вартус! Ведь не прошло ещё и тысячи вдохов с тех пор, как я вымаливал у тебя хоть кусок мясного корня, отдавая едва набранную за два дня норму камней. Я ведь специально подгадал это время, когда долгий день близится к вечеру, но ещё остаётся около двух тысяч вдохов до окончания работ и возвращения охотников. Как так получилось, что вы все вернулись раньше? И кто остался вместо вас на приёнке?

Вчера меня снова охватило то странное чувство, когда ты поднимаешь знакомую вещь и вдруг понимаешь, что тебе стало непривычно ею пользоваться. Ты начинаешь прислушиваться к себе и осознаёшь, что она стала немного легче и словно сама летает, едва касаясь твоей руки. Прорыв на звезду, когда твоя сила увеличивается скачком.

Я спрашивал у мамы, и та, как ни пыталась, не смогла вспомнить, чтобы испытывала сходные ощущения. Для себя решил, что это связано с моей скоростью Возвышения. Сила мамы поднималась постепенно и неспешно. А я двигаюсь гораздо быстрее её. Моё тело просто не успевает привыкнуть к растущей силе. Так было и с предыдущими ступенями. Но с этой вышло ещё нагляднее. Ненависть, похоже, остановила моё Возвышение, а изготовление кинжала словно прорвало плотину. За эти десять дней мне не раз казалось, что ещё чуть-чуть, и я увижу движение силы в своём теле.

Стоило представить нити энергии вокруг себя, как я замечал их сияние на краю восприятия и просто в воздухе. Я тренировал воображение, мысленно рисуя цветную энергию на облаках, на птицах, людях и просто на окружающих предметах. В такие моменты я терялся, не понимая, реальность это или домыслы. А в этот треклятый сарайчик снова залез для того, чтобы проверить, наконец, свои догадки. Я считал, что перешёл на шестую звезду. Отмеченная печатью гиря из камня, который просто негде добыть в наших руинах, подтвердила мой уровень. Но что делать теперь?

Я огляделся. С прошлого посещения здесь стало меньше гирь. Пожалуй, если их переложить... Вернее, если перетащить те, что мне под силу поднять, то у дальней стены можно соорудить нишу. И в ней уже переждать до ночи. Главное, сделать всё тихо и надеяться, что никто не заметит, что внутри всё переставлено и переложено по-другому. Прислушиваясь, замирая при каждом крике с площадки, постоянно прикидая к щели в стене, я лихорадочно принялся таскать всё, что имело меньше семи звёзд на своём боку.

Я справился. Никто меня не услышал, да и тайник получился на загляденье. В углу сарая я обнаружил ещё пару щелей – некому, некому заставить учеников взять вёдра с глиной и побелкой! – и сложил нишу именно там. Теперь же, с удобством, спасибо закалке тела, лёжа на гирях, я наблюдал за вечерней тренировкой всей компании.

– Сегодня я подниму шестизвёздную гирю восемь раз! – Шиго горделиво вскинул руки.

– Да ты её уже месяц пытаешься поднять, – отмахнулся Порто. Он сидел на скамье и вытирал пот куском замши.

– Нет! – покачал пальцем Шиго. – Я прям ощущаю, как мои руки стали сильнее! Сегодня я в себе уверен! Гляди!

Шиго поёрзал, удобнее ухватывая ручки гири, и с утробным рыком стал поднимать её, громко считая:

– Раз! Два! Три! Четыре! Пя-а-ать! Шее-есть! Семь! А-а-а! Восемь! – Бросив гирю, отчего она с гулким ухом упала, взметнув песок, Шиго победно воздел руки и принялся орать: – Да! Да! Я сделал это! Сегодня я ставлю себе следующую вершину! Я повторю это ещё четыре раза!

Хм. Неужели это так тяжело? Я же только что поднимал эти же двести мер, да и вообще переложил с места на место добрых два десятка здоровых гирь, и почти не заметил усталости.

Да и мама порой забивает переноску камнями для меня, если что-нибудь случайно находит. Вместе с обычным грузом у неё получается тот максимум, который она способна поднять. Надо ли говорить, что и норма лепёшек для неё больше, чем для остальных? И с таким весом она идёт несколько тысяч вдохов.

Я начал сомневаться, споря сам с собой. Всё же я принял решение как можно реже касаться тяжестей, чтобы не уподобляться этим орущим здоровякам. Здесь появился только для проверки и уже успел основательно приложиться к гилям.

«Хорошо! – отважился я. – Один раз можно себе позволить, чтобы выяснить свои пределы».

Убедившись, что никто и не думает приближаться к сараю, скользнул через дыру под крышей к входу.

Двенадцать. Я поднял гилю двенадцать раз и не почувствовал усталости. Прекратил опыт лишь потому, что боялся быть обнаруженным. Снова оценив обстановку сквозь щель в двери, я с сомнением посмотрел на следующую гилю, но все же ухватился за шершавую ручку. Семь звёзд я смог шевельнуть и даже на несколько волосков оторвать от земли. Но не более. Снова устраиваясь в каменной нише, я обдумывал эти странности.

– Да чё ты как девчонка?! Тебе не надоело возиться с этой мелочью?! – надрывался на площадке Шиго. – Ты бы ещё двойки взял!

– Экзаменационных гиль на две звезды не существует, – спокойно ответил Порто, всё ещё сидя на скамье и заново стягивая волосы в низкий хвост.

– О боги! Ты меня прекрасно понял! – закатил глаза Шиго.

– Я хочу попробовать свою удачу с семёркой. – Сказав это, Порто встал, почти оттолкнув стоявшего вплотную Шиго.

– Ого! Так вот чего ты задумал! – Шиго похлопал в ладоши вслед Порто, пропустив мимо ушей его грубость. – Давай-давай!

– Эти слова звучат гордо, – услышал я ненавистный голос Виргла – к сожалению, та часть площадки, где он находился, мне была почти не видна. – Неужели ты присоединишься ко мне, став второй семёркой?

Порто молча остановился у каменной тумбы. Вдохнул, выдохнул и ухватился за ручки. В таком согнутом положении он постоял несколько вдохов. А затем, странно поёрзав ногами, с громким рыком начал выпрямляться, поднимая гилю. Не сумев полностью разогнуться, замер, продолжая рычать, а затем гиля вырвалась из его разжавшихся рук и упала, едва не расплющив ему стопы.

– Неудача! – презрительно рассмеялся Вартус.

– Сегодня уже лучше, осталось немного, – спокойно ответил Порто, громко и часто дыша и снова мокрый от пота.

– Господин, а ты сегодня чего не тренируешься? – продолжил неугомонный Шиго.

Я и не замечал, что он такой балабол. Наконец в пределах моей видимости появился Виргл. Он даже сейчас не снял дорогой рубахи, вовсе не собираясь её жалеть. А все остальные, между прочим, либо в грубой коже, либо вообще голые по пояс. Гадкая улыбка на лице сына главы деревни меня бесила.

– Ждал ваших результатов. Слабовато. Надеялся увидеть большее.

– Особо нет времени тренироваться.

О чем это Ларг? Он по полдня сидит на присмотре, ни дарса не делает, только спит. Тренируйся – не хочу! Или для них тренировки – вот эти гири и всё? Но – я улыбнулся своей мысли, – о том, что главарь старше их на год, не сказал ни слова. Бриться господину уже пора. Эта поросль на его губах выглядит просто мерзко!

– Я занят делами деревни даже больше вашего, – пожал плечами Виргл. – Но мои тренировки успешнее. Вы просто плохо работаете.

– Дайте совет, господин! – подскочил к своему жожаку Вартус и заглянул ему в глаза снизу вверх, что при одинаковом росте смотрелось смешно. – Как стать таким же могучим?

– Когда вы тренируетесь, то представляйте, что становитесь сильнее. Каждый раз, когда поднимаете гирию, представляйте, как ваша сила увеличивается. Как будто каждое поднятие гири поднимает вас к звезде!

Что он мелет? Я был ошеломлён услышанным. Где в наставлении по Закалке меридианов он видел что-то, хоть немного похожее?

– Покажите, господин! – начал заглядывать в глаза главарю шайки и Скирто.

– Господин! Господин! Господин! – принялся орать Шиги, так остервенело хлопая в ладоши, что хвост волос, стянутых на затылке, подпрыгивал и стегал его по спине с каждым хлопком.

Виргл, улыбаясь, ленивой походкой направился к гири, которую не смог поднять Порто. Но взяться за неё не успел. В голову орущего Шиги влетел кувшин, разлетевшись вдребезги. Крик словно обрезало, как мою верёвку тогда на реке. Раз! И Шиги лежит на песке, вокруг разбросаны толстые черепки красной глины, а все на площадке замерли в недоумении.

А я услышал недовольный хриплый голос Орикола:

– Да вы задрали орать! У меня от таких воплей начинают болеть зубы. Я решил со сна, будто сектанты опять выкрикивают воззвания своему богу. А это всего лишь грязные молоко-сосы нашли себе такого же грязного кумира. Даже не пойму без вина, что мне кажется более отвратительным.

– Учитель? – промямли Ларг, который до этого не проронил ни слова, сидя на своей скамье.

– Ты слабоумный? Кого ещё ты ожидал увидеть, лентяй?

Откинув циновку, в дверях появился Орикол. Он что, кувшин в окно кинул? Обычно же у него дом наглухо закупорен циновками, как перед бурей. Названный учителем оглядел площадку, хлопнул себя ладонью по лбу и вдруг безумно заорал, словно буйвол, затем сорвался с места и принялся носиться по площадке, ругаясь и отвешивая пинок или затрещину каждому, кто попадал под руку. А я прильнул к смотровой щели, пытаясь не упустить ни одного удара – они грели мою душу.

– Тупые молокососы! Отбросы, которым нужно было прочесть всего лишь одну! Одну! Одну книгу! И делать то, что в ней написано! Впитывать энергию мира! Впитывать! Энергию! Где? Где, уроды? Где в ней написано, что нужно рвать задницу и поднимать эти дарсовы гири? Какие гири, скоты?! У Древних вообще не было гирь! Не было, вонючие уроды! А они даже не замечали этапа Закалки! Они оставили тысячи наставлений о других этапах! А о Закалке – всего одно! Одно! Которое вы не можете выполнить! Тупые джейры! Я сорок раз!.. я сто раз запрещал вам выносить эти дарсовы гири на площадку! Они – для экзамена! Тупые ублюдки, гири не нужны для Закалки меридианов! Для Закалки нужна воля и голова! Верьте и представляйте! Уроды. Тупые уроды.

Орикол внезапно успокоился и почти упал на скамейку, с которой недавно могучим ударом сбил Ларга. Деревенский учитель был все в той же, что и всегда, тканой рубашке, замызганной настолько, что с трудом угадывался её родной светлый оттенок. Под распушенной шнуровкой была видна мускулистая волосатая грудь. А ещё на Ориколе были грубые кожаные штаны, резко отличавшиеся от дорогой рубахи. Такие в деревне обычно надевали на грязные работы. Впрочем, штаны тоже выглядели так, словно он грязной работой и занимался. Учитель с тоской осмотрел опустевшую площадку, на которой остался лишь пытающийся встать Шиги, и поднял глаза к небу.

– Неужели я все ещё не выплатил цену, назначенную за совершенную глупость и верность? Как? Как мне выбраться отсюда с такими учениками? О Небо, как мне не пить с горя, видя таких пустоголовых учеников? А ну, встали передо мной!

Не прошло и тридцати вдохов, как Орикол обвёл взглядом съёжившихся парней, выстроившихся перед ним по рангу силы. Выделялся лишь жавшийся к Вирглу крысёныш.

– Что нужно делать для закалки? Молчите? Шиго!

– Э-э... – держась за голову, заблеял, почти как джейр, тот, чей мокасина ещё недавно жёг мою щеку в воспоминаниях. – Впитывать энергию Неба-а...

– Я поражён тем, что ты всё-таки это выучил, тупой уродец. Ты сегодня представлял, как она вливается в тебя? – Орикол встал и упёр палец в грудь собеседнику.

– Да-да! – часто закивал Шиго, ради этого опустивший руки, но тут же шлёпнулся навзничь от простого тычка пальцем.

– Врёшь хоть и пьющему, но учителю. Ты сегодня думал только о гирих и, возможно, о девках, – покачал головой Орикол и шагнул в сторону. – Порто, а ты представлял?

– Я старался, но видеть невидимое – не для меня, – спокойно отозвался Порто.

– Плохо, но твои старания хотя бы видны, и всегда есть надежда, особенно если ты брошишь таскать эти гири. – Орикол остановился напротив Ларга: – Что можешь сказать мне ты?

– Я словно кувшин, в который она вливается, – твёрдо ответил самый большой лентяй посёлка.

Так он всё-таки не спит целыми днями?

– Хм, я удивлён, но ты не врешь. – Орикол убрал палец и перешёл к следующему: – Вартус, что можешь сказать мне ты?

– Это всё глупости – ваше воображение энергии. Я верю только в силу кулака. Картинки не помогут мне в пустоши, – нагло заявил прямо в глаза бывшему Воину высокий, мускулистый, почти черный от загара парень.

– Бессовестный самодовольный квыргал, который спит в своей норе и не знает, как велика разноцветная пустыня за её пределами! – процедил Орикол и вдруг быстрым, почти неувидимым движением пнул парня в грудь.

Вартус улетел в противоположный конец площадки и теперь лежал, царапая голую грудь и пытаясь сделать вдох.

– Мне редко приходилось видеть таких тупых квыргалов. Отведай и оцени силу моего кулака, полученную глупостями. – Орикол сделал ещё шаг: – А ты? Признаюсь, я считал, что в этом посёлке у тебя самые большие шансы достигнуть пика.

– Простите, учитель! Я строго слеую наставлению по Закалке. Но уже несколько лет не вижу ни малейшего прогресса в Возвышении. – Стоящий перед Ориколом парень склонился в вежливом поклоне, сцепив руки. – Боюсь, моё тело страдает от третьей преграды, и недостойный никогда не сможет оправдать надежд своего учителя. Я упал, едва взлетев.

Это Рикто. Самый старший из деревенских парней. Ещё полгода, и он будет считаться взрослым. Я знаю, что он в шайке Виргла, но редко вижу его с ними. Худой, я бы сказал, очень худой, жилистый, всего пять звёзд Возвышения, что в его возрасте делает его слабым. Странно, но я понимаю, что не только поклон, но и его слова полны уважения к Ориколу. Уважения, которого я не видел ни у одного из селян. И его речь гораздо плавнее и богаче, чем у остальных парней. Пожалуй, подобных оборотов я, кроме нашей семьи, и не слышал больше нигде в деревне.

– Никогда и подумать не мог, что окажусь в роли учителя. И не пытался следовать этому нелёгкому пути. Я, старый пьяница, плывущий по течению, не заслуживаю от тебя такого именования, – со странной тоской в голосе проговорил Орикол, глядя на Рикто. – Это тебя любой настоящий учитель с радостью назвал бы учеником за упорство. Могу лишь повторить свой совет. Ты скоро станешь взрослым. Иди в пустошь, сражайся, находи себе равных противников среди зверей. Находи противников сильнее тебя. Заставь своё тело сломать глупые ограничения.

«Как интересно», – подумал я, провожая взглядом фигуру Орикола. Эти слова очень напоминают совет, данный моему отцу. Совет, который позволил ему прорваться и привёл нашу семью в эти чёрные руины среди белого песка.

Бывший Воин остановился перед Скирто, и я с удовольствием прильнул к щели плотнее, жалея, что она становится всё уже с этого края и не даёт насладиться хорошим обзором происходящего. Орикол меня не разочаровал. Он даже не стал ни о чем спрашивать крысёныша, а просто схватил его за пояс штанов и запустил в воздух. Приземлился тот точно на Вартуса, выбив из него не только песок, но и жалобный вопль. Отлично! А теперь самое вкусное, как кусок мясного корня, который не трогаешь до самого вечера. Одну затрешину Виргл сегодня уже получил, я видел своими глазами, но этого мало!

– Твой ответ я жажду услышать больше всего. – Орикол принялся скрести отросшую щетину на горле. – У тебя есть мысли, почему?

– Нет, учитель, – почтительно поклонился Виргл.

А я от удивления чуть не выругался в голос, едва не выдав себя. Что это с ним?

– Недавно меня уже пытались уязвить вежливым именованием. Тогда я ответил, что слова собеседника полны яда. Пожалуй, ему стоило бы поучиться у тебя. Твой яд так незаметен и скрытен, что девять из десяти с радостью выпьют его.

– Учитель, простите, но я не понимаю ваших иносказаний, – вежливо ответил и снова склонил голову Виргл.

– Скажи старому пьянице, зачем ты так упорно пытаешься сбить с пути Возвышения тех, кто тебя окружает?

Услышав это, я едва не рассадил лоб о шершавый камень, пытаюсь ещё плотнее прильнуть к щели, чтобы не упустить ни одной детали.

– Учитель, я лишь даю советы, когда меня об этом просят. Ведь следовать советам самого сильного ученика вполне естественно, когда рядом нет учителя. – Виргл поднял голову и взглянул в глаза собеседнику.

– Тебе нужно больше тренироваться. Не с тяжестями, нет. С лицедейством, уродец. С каждым новым словом я все отчётливее вижу клыки за твоей улыбкой, и все зловоннее становится твой яд. Ты меня раздражаешь. Я пью это дарсово вино, которым заливают меня твой отец, смотрю, как ты набираешь звёзды, сбиваешь всех с пути, но молчу, как мы с ним и договорились. Но вот прошёл год. Тебе уже пятнадцать. На этом экзамене ты можешь даже не появляться. Ты все ещё жалкая семёрка. Ты достиг своего потолка, отброс. Подскажи, ничтожество, годное лишь на то, чтобы с завистью ломать достижения других, на что надеется твой отец? Что будет в следующем году? Скажи, как сын-отброс сможет вытащить своего отца из этого дермового песка?

Я видел, как на слове «уродец» Виргл едва заметно вздрогнул. Лицом он действительно не вышел. Не уродец, конечно, но и красавцем не назовёшь: он взял худшее от обоих родителей. Я видел, как с каждым новым оскорблением парень вздрагивал все отчётливее, вжимая голову в плечи. Я уже было решил, что ещё одно-два колких слова – и Виргл кинется на Орикола, заполучив новых тумачков. Этой мечте не суждено было сбыться. Наверное, Небо решило, что подарков на сегодня хватит.

– Виргл! – раздался громкий крик, от которого тот словно окаменел.

А я заскрипел зубами от разочарования. Наш славный вождь пожаловал.

– Кардо... – Орикол развернулся к главе деревни и снова принялся скрести горло.

Меня этот жест уже начинает злить – кажется, даже здесь я слышу этот противный хруст щетины.

– Орикол, что за крики? – продолжил Кардо уже тише. – Ты будоражишь жителей деревни. А мы ведь договаривались об их покое.

– Кардо... – проигнорировал обвинение Орикол. – Я интересовался некоторыми вещами у твоего сына-неудачника. Может, ты сумеешь ответить мне хотя бы на последний вопрос?

– И какой вопрос был последним?

– Учись у отца, сопляк! – Орикол ткнул Виргла в грудь, отчего тот чуть не упал. – Десять из десяти бы поверили. Не нужно, Кардо, не нужно. Ты уже давно здесь стоишь.

– Орикол, я, как всякий любящий отец, верю в сына. Он ещё блеснёт талантом, ослепив всех вокруг.

– Продолжаешь юлить! – Орикол сплюнул под ноги Вирглу. – Хорошо, я сам увижу через год.

Я наблюдал, как удаляется Орикол, заставивший меня взглянуть на происходящее с другой стороны. Кардо коротко рыкнул, и мелкие шавки его сына разбежались. Или не шавки, ведь некоторые тоже заставили меня взглянуть на них по-другому. Внезапно, отчего я испуганно вжался в камень, со стороны входа раздался оглушительный звук.

Сорвали с ремней плетёную дверь сарая? Это ремни лопнули?

Перестав дышать от страха, я ощутил странное и пугающее чувство. Словно сквозь многочисленные каменные гири по мне скользнул тяжёлый и горячий взгляд, заставив замереть от ужаса. Тишина стояла такая, что я слышал, как какие-то насекомые шуршат в толстом слое драконьей травы на крыше.

– Щенок! – Ощущение взгляда исчезло, и я услышал яростный шёпот Кардо. – Ты меня разочаровываешь.

– Прости, отец...

Я снова принялся тихо дышать, надеясь, что за разговором меня не расслышат. Как близко их голоса! Словно эти двое стоят в шаге от меня!

– Мне не хватает таланта. Я не смогу прорваться на восьмую звезду, как ты хотел.

– При чем здесь это? – зашипел Кардо. – Я уже смирился. И даже нашёл способ всё исправить. Я о другом. Я о твоей возне с этой шайкой! Да, я просил тебя научиться собирать вокруг себя людей. Но ты в своей лени решил выбрать самый лёгкий путь.

– Отец!

– Что «отец»?! Ракот меня уважает, он верен мне. Закир отдал за меня жизнь. А ты?

– А Ма? А Паурит? – возмутился Виргл.

– Шавки, которые верно прыгают за подачку. Я говорил о верных людях. Я рассказал тебе, как завоёвывать их сердца. Но ты, нерадивое отродье, решил взять не верностью, а числом, да ещё и побыстрее. А ведь Порто так похож на отца! Он был бы предан тебе. Но ты выбрал Вартуса и крыс. Хорошо, я закрыл глаза на твои слабости, ты мой сын. Я молчал, когда ты, чтобы сплотить шавок, травил того пацана...

– Сын выродка, что поднял на тебя руку! – повысил голос Виргл, перебив отца. – Если бы не твой запрет, я бы уже убил его!

– Я забрал его жизнь и отомстил его жене. – Я услышал звук затрешины, но мне было не до радости, я весь превратился в слух. – При чем здесь ты? И кто дал тебе право решать, кто будет жить в деревне?

– Отец, моё сердце словно чернеет, когда я его вижу!

Это что, скрип зубов?

– Ты не думаешь головой! Я не забирал у них надежду! Я почти разорил их, но они всегда могли уехать отсюда, мне ли не знать о рецептах и молоте? Но ты постоянно давишь на них. Подумай. Подумай и ответь мне, сын... – За стеной зашуршало, и Кардо продолжил злым шёпотом: – От моего имени ты лишаешь их еды. К чему это приведёт?

– Они будут страдать! – почти закричал Виргл.

– Дурак! Небо! Как мой сын может быть таким дураком? – гневно зарычал Кардо, а затем вкрадчиво спросил: – Ты бессмертен?

– Нет... – Даже я расслышал, как растерялся Виргл от странного вопроса.

– Тогда скажи, если завтра Эри вернётся домой и увидит, что её дочь умерла от голода, то что она сделает?

– Поднимет шум. Но ты сильнее её, у тебя появится законный повод её убить, – уверенно ответил Виргл.

Мама станет шуметь? Я кровожадно ухмыльнулся. Ты не видел, как шарахнулся Ракот. Она не станет шуметь, тупой дарс.

– Ты глупый щенок, который думает только о своих проделках!

Я чуть изогнул губы в улыбке. Тут уже ошибается Кардо. Подозреваю, что почти всё придумано крысёнышем Скирто.

– Она придёт в наш дом, когда меня не будет, и убьёт и тебя, и мать раньше, чем я успею её остановить! Тебе, мёртвому, станет легче, когда я убью её в ответ?

– Э-э-э... – заблеял, как джейр, Виргл. – Как – убьёт?

Легко, тварь. Меня переполняла ненависть. Возможно, я даже успею её опередить.

– С громкими, на всю деревню, проклятиями на мою голову. И наверняка она будет не одна! – Раздался звук отличной звонкой затрещины. – Я уже сказал Ракоту, что ты прикрывался моим именем. Он меня понял. Теперь хочу, чтобы понял ты. Отныне ты не лезешь в дела взрослых.

– Хорошо, отец, как скажешь, – с трудом выдавил из себя Виргл.

– Это всё мелочи. Главное! Почему я здесь появился?

– Потому что этот алкаш вылез из своей вонючей норы! – снова выкрикнул Виргл, найдя нового виновного.

– Нет! Может, я смогу вбить в тебя ум? – Кардо отвесил очередную затрещину. – Я здесь потому, что вся деревня слышала – мой сын сбивает с пути их детей. Я когда-то пошёл тебе навстречу и запретил Ориколу учить этого сопляка. На это закрыли глаза. Они приبلуды. Но сегодня все в деревне узнали, что ты лишаешь их детей шанса вырваться отсюда!

– Да кто поверит этому алкашу? – возмутился Виргл.

– Все, все поверят. Все, кто помнит, как он у нас появился. Сын, я пошёл на многое ради того, чтобы ты достиг десятой звезды, – вкрадчиво произнёс Кардо. – Думаешь, их желание вырваться отсюда меньше нашего?

– Меньше, отец, раз они молчали под плетью! – уверенно заявил Виргл.

– Тупой сопляк! – Видно, Кардо окончательно разозлился – звуки затрещин почти не стихали. – Мне надоело всё тебе разжёвывать, снова и снова запихивая выпавшее в рот! Отныне никаких совместных тренировок для твоей шайки! И чтобы я даже шёпота не слышал: «Дайте совет, господин!» Иначе я напомню, что такое плеть, уже тебе!

Давно ушли с площадки Кардо с избитым сыном, сгустились сумерки, погрузив сарай в непроглядную тьму, а я все лежал и думал. Как много тайн видели и слышали стены этого сарая, если даже в моей жизни так много важных вещей связано именно с ним? Выходит, через год Виргл должен чудом перепрыгнуть три звезды и сдать экзамен, покинув вместе с семьёй нашу деревню, из которой они выпили все соки.

И выходит, зря я накручивал себя, полагая, что за нашей семьёй постоянный пригляд. Конечно, Кардо по-прежнему не нужно знать, что я успешно закаляю меридианы. Но, похоже, половина бед нашей семьи – это злой умысел совсем других людей, избравших нас своей мишенью. Уменьшило ли это мою ненависть к Кардо? Нет!

Кардо и Паурит должны умереть! У меня остался всего год, чтобы отомстить.

Глава 9

Все сложилось как нельзя лучше и так быстро, что было похоже на волшебство из детских сказок о богах и героях. Тех, в которых богиня Природы просто бросила семя в землю, и на глазах восхищённых придворных дворец Южных пределов начал возноситься к небу, оказавшись на ветке исполинского Древа, верхушка которого достигала летящих звёзд. Или тех, в которых однажды вечером Рег Валос, Повелитель Севера, остановился у горного озера и решил – здесь будет стоять его дворец. Он просто пожелал, и молчаливые скалы, послушные его воле, потекли, превращаясь в сияющие крыши палат и гордые шпили башен.

Вот и у меня вышло почти так. Стоило мне сделать кинжал, как не минуло и месяца, а охотники идут на пересмешников именно так, как мне и нужно. С ними Паурит, но он вовсе не главный. Главный – Ракот.

Я выглянул в небольшой оконный проем. Единственное, что меня раздражает, – охотники идут очень медленно. Я, конечно, мчался сюда со всех ног, но все же почему они едва плетутся по ровной пустоши? Не случилось ли чего-нибудь? Может, просто обходили засаду леопарда? Наткнулись на пуму?

Я пару раз подбросил на ладони свой клятвенный камень. Ладно, всё равно уже ничего не изменишь. Все эти дни я приучал зрителей, надзирающих за огородами, что если накануне недобрал камень, то за полив принимался ещё до свету, и к моменту их прихода мой кусок работы был уже готов. Затем, отчитавшись о выполнении работы, я на их глазах брал плетёную переноску и уходил вниз по течению в руины за камнем. Так было и сегодня. Так что теперь мне некуда спешить, раньше обеда я никогда не возвращался с первой ходки. Ведь я по-прежнему слабак, для которого двадцать мер камней с развалин Древних – непосильная ноша, что в разы удлиняет любой путь.

Приняв решение спокойно ждать, я откинулся на стену, которая ещё не успела нагреться и приятно холодила тело, разгорячённое бегом вдоль реки. Значит, займусь другим делом. И я уверенно закинул в рот полоску завяленного почти до каменной твёрдости билтонга. После того памятного разговора Кардо с сыном дела нашей семьи значительно улучшились. Во всяком случае, мама стала получать полноценную пайку за работу. А я начал тайком охотиться. Оказывается, раньше, когда дядя Ди говорил, что ему улыбнулась удача, а я хвалил его навыки, прав был он. Теперь мне понятно то унижение, которое испытывает отличный охотник, вынужденный из-за Кардо заниматься делом неумех-новичков.

Охота на квыргалов вообще не требовала никаких других навыков, кроме умения смотреть по сторонам. Я выбирал направление, куда ни одна из групп сегодня не пошла, неспешным бегом преодолевал полосу безжизненного песка у развалин Древних, следуя в ту их часть, где ещё не исчезли одинокие скалы, но уже высилась густая трава, и изучал окрестности. Вот тут вступала в дело удача охотника. Можно было весь день нарезать круги и не встретить ни одного квыргала. Но если ты его увидел, то, считай, мясо уже в твоём мешке.

Возможно, ребёнку было бы сложно его добыть, но любому новичку, имеющему силу и выносливость пяти звёзд Закалки Меридианов, это не составляло большого труда. Лопаточная кость джейра, а ещё лучше – любого его старшего родственника, и неглубокая нора квыргала, вырытая им в мягком сыпучем песке, скреплённом только корнями высохшей травы, не могла спасти зверька.

Я отлично помнил презрительную усмешку на лице мамы: «Жадный дурак!» И, выкопав одного грызуна, прочих оставлял в покое. И, конечно же, мне не приходило в голову приносить тушку домой. Глупый риск. Пусть маме и перестали впихивать тыкву, но и мяса давать не начали. Самому Кардо, как выяснилось, нет до нас дела, но Виргл и Паурит наверняка внимательно приглядывают за нами.

Поэтому я превращал мясо в билтонг. Нарезал полоски мяса, чуть подсаливал, вялил на солнце и лишь затем приносил домой. В общем, ужинали мы всегда мясом. Невкусным и тяжело жующимся, но настоящим мясом, а не корнем с его названием. Хотя Лейла порой начинала плакать и просить наваристого супа, но главное, её перестало шатать от ветра, ручки и ножки приятно потолстели, а серые глаза мамы потеряли стальной блеск сдерживаемой ненависти.

Я перевернулся на спину и посмотрел на небо. Снова начали кружить. Пришлось махать руками и ногами. Проклятые падальщики. Живой я. Живой. И не собираюсь сдыхать вам на поживу. Нечего на это надеяться и становиться в круг надо мной. Ещё, чего доброго, охотники насторожатся. Что это за падаль ожидается в руинах? Что там случилось и нет ли там пересмешников или шакалов? Грифы, летите прочь, вам сегодня в любом случае ничего не достанется!

Идут. Подползя к дыре, я наблюдал за точками вдалеке. Снова ждать и думать. Будут ли они следовать установленному ранее порядку? В мою сторону направилась одна точка, но Паурит ли это? Я положил ладонь на рукоять кинжала. Добравшись до этого места, охотники всегда делали привал. Затем разбегались в разные стороны, кроме старшего, который оставался ждать разведчиков.

Пустошь вокруг – это охотничьи уголья той небольшой стаи пересмешников, которых начали выбивать по приказу Кардо. Сейчас разведчики будут искать, где сегодня охотятся хищники. Многие травоядные и хищники в рывке быстрее обычного охотника пятой-шестой звезды. Но никто из них не может похвастаться такой же выносливостью. Травоядные не могут далеко уходить от воды, без нее они быстро гибнут. А хищникам приходится тщательно выбирать место охоты, потому как, упустив добычу раз, преследовать её или идти на новое место охоты без отдыха для них слишком тяжело. А вот человек может себе позволить полдня бежать по пустоши без воды в поисках добычи.

Прошлые две охоты Паурит проверял водопой, который принадлежал только этой стае. Подозреваю, что он это делал по двум причинам. Утром в десяти случаях из десяти пересмешников здесь не будет. Хищники могут вовсе не вернуться сюда – территория стаи велика, а если всё же надумают, то появятся в своих норах либо вечером после удачной охоты, либо в самую жару, чтобы переждать зной. А после ночёвки уйдут за добычей в рассветных лучах. Это самое безопасное место для проверки, а Паурит точно не храбрец. Вторая причина – сама вода в озере и какая-никакая зелень. Пусть это всего лишь жёсткая трава, невысокие плотные кусты колючей акации и несколько деревьев повыше, а также более густая поросль цимбопогона по берегам ручья, который и наполняет крохотное озеро.

Думаю, если бы пересмешники не устроили себе тут логово, травоядные давно бы сожрали всю сочную зелень. Самый пик засухи. Дождей давным-давно не было, даже река измельчала, в пустоши стало совсем мало воды и растения высохли. Побывав у логова всего один раз, для проверки окрестностей, я был очарован. После голого песка с пучками сухих, звенящих на ветру ростков за деревней и жёлтого, покрытого пылью разнотравья в пустоши глаза просто отдыхали, глядя на эту яркую мясистую зелень. Вот и Паурит наверняка смывает песок с лица и переводит дух в тени акаций, перед тем как отправиться обратно по набирающей силу жаре.

Если руины вдоль реки можно смело считать городом, который когда-то занимал оба берега на многие тысячи вдохов пути, то что было здесь, предположить сложно. Если позволить разыграться фантазии и не забывать, что даже сейчас тут удивительно красиво, то можно решить, будто раньше это было место отдыха богатых горожан. Здесь не так много домов. Даже если считать, что уцелела едва половина, то все равно жителей было разве что раз в пять больше, чем в нашей деревне. И тогда эта капля воды ещё не испарилась и была огромным озером, плескавшимся у порога крайних домов. А может, здесь сидели чиновники, которые

внимательно проверяли товары, доставленные в город по суше, и никакого озера и родника тогда вовсе не было... Кто знает?

Да, это Паурит. Я с облегчением опознал крохотную фигурку, оборвав свои фантазии. Не изменяет себе, это хорошо. Я заставил себя отпустить кинжал и размял затёкшие пальцы. «Осталось немного», – напомнил своему быстро стучащему сердцу. Бросил напоследок взгляд в небо. Ждут и следят. Всегда в ожидании чьей-нибудь смерти. И она близится.

Я спустился из своего наблюдательного гнезда и, тщательно следя, чтобы между приближающимся врагом и мной были камни или остовы зданий, побежал к подготовленной засаде. Ничего особенного, просто место, через которое, скорее всего, и пройдёт Паурит. Всего лишь вершина одного из камней, густо окружённого кольцом развалин домов. Высота – четыре роста взрослого мужчины. Просто вершина с запасом принесённых сюда почти от самой деревни камней. Несколько прыжков и подтягиваний на кончиках пальцев – и я замираю, распластавшись на нагретом чёрном камне. Теперь остаётся только ждать. Это пока здесь терпимо, но в полдень я уже такой трюк не проверну. Этот камень раскалится так, что на нем можно будет жарить мясо.

Вот, сейчас! Осторожно, двигаясь буквально на мысках, проверил то, что говорили мне мои уши, – Паурит подо мной! Я сглотнул тяжёлый комок в горле и решительно встал. Внизу я отчётливо видел своего врага. Первого, у которого отниму жизнь. Не стоило тебе трогать мою мать. Мудрецы говорят, что нет более жестоких существ, чем дети... Я оборвал поток мыслей. Хватит! Просто убей его!

Взяв в руки камень, занёс его над головой и, ещё чуть помедлив, швырнул вниз.

Тренировки не прошли даром. Камень, который я швырял, наверное, сотню раз, в сто первый попал именно туда, куда я и целил. Между лопаток ничего не подозревавшего Паурита. Второго камня не понадобилось, как и запасного плана. Вступать в схватку с убегающим врагом не пришлось.

Я приближался к хрипящему на сером песке человеку, которого пообещал убить, и стискивал в руке кинжал. Два месяца мне понадобилось на осуществление мести. Осталось совсем немного. Буквально три шага и один удар.

– Паурит... – Я замер над беспомощным врагом. Когда я копал норы квыргалов, случилось, что зверьки попадали под удар костяной лопатки. Моя сила была такова, что ломала им спину. Именно на подобный результат я и рассчитывал, бросая в охотника камень размером с две мои головы. – Ты слышишь меня?

– Слышу, – прохрипел Паурит, пуская кровавые пузыри. Хорошо, я боялся, что он умрёт, так и не узнав, за что понёс наказание. – Пацан, откуда ты здесь? Помогите! Помогите мне!

– Зачем? – нарочито удивился я, прислушиваясь, как всё спокойнее бьётся моё сердце, а затем сдёрнул с головы платок и улыбнулся своему врагу: – Это я бросил в тебя камень. И не буду тебе помогать. Я здесь не для этого. А знаешь, для чего?

– Ты что? Пацан, ты что?!

В маленьких чёрных глазках Паурита загорелся ужас. Это хорошо. Это выражение в них мне нравится гораздо больше, чем похоть, которая и привела его к смерти.

– Когда ты говорил свои первые грязные слова моей матери, я пообещал себе, что ты за них заплатишь, – принялся я объяснять. Он должен знать, почему сегодня умрёт, мне важно, чтобы он пожалел о каждом вдохе своего поступка. – Пожалуй, я бы ограничился тем, что сломал бы тебе руки, которые ты протянул к ней. Но ты ведь не остановился на этом? Тебе захотелось наказать её за строптивость, чтобы она была... Как ты сказал, Паурит, помнишь?

– Нет! Нет! – Охотник принялся отползать от меня. Я отстранённо отметил, что спину ему не сломало, раз ноги шевелятся. – Я пошутил... Нет, ошибся... Ошибся я! Забудь, пацан, забудь! Я извинюсь перед ней!

– Хочу, чтобы ты знал, Паурит... – Я вытащил из нашейного мешочка свой клятвенный камень и показал ему. – В тот вдох, когда ты советовал моей матери быть нежнее с тобой, я поклялся на этом камне Древних, что ты умрёшь. Умрёшь за свои грязные слова и улыбку, которой не место под этим Небом.

– Помогите! Помогите! – изо всех сил принялся кричать Паурит. Впрочем, получалось у него плохо, мешало отбитое нутро.

– Глупо, – сказал я, возвращая камень на место. – Ты добирался сюда бегом почти две тысячи вдохов. Ракота с земли даже не видно за горизонтом.

– Пацан! Как тебя там... – Паурит ещё сильнее задёргался, отползая от меня. – Стой! Давай поговорим!

Я презрительно скривился. Даже не помнит, как зовут сына той, которую он унижал. Мразь, забывшая от страха про копье и нож, но на что-то ещё надеющаяся. Я крепко сомкнул пальцы на рукояти кинжала, созданного для этого мига, и сделал последний шаг к своему врагу.

Пинок по руке, которой он пытался прикрыться, и твёрдый удар в сердце. Мой рондель вошёл в тело по роговую гарду, пробив охотника насквозь, словно тот был из соломы. Краткие судороги, и Паурит затих.

Я смотрел в его мутные безжизненные глаза, теперь потерявшие всякое выражение, на слипшуюся от крови редкую светлую бородёнку, на оскаленные в последнем крике жёлтые зубы – и чувствовал, как тот кровожадный клинок ненависти, что горел в моем сердце, словно тускнеет, утолённый покрывшей его кровью моего врага. «Да, – кивнул я своим мыслям, – пусть эта жажда крови и прорвала мою преграду в Возвышении, но без неё мне гораздо легче». Клятва убить Паурита перестала давить на плечи всем весом Неба над головой, а душа словно стремилась улететь, такое облегчение я испытывал. И радость. Теперь я могу без стыда глядеть в глаза своей маме.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.